

«Потрясающий замес!»

PUBLISHERS WEEKLY

МАРИ БРЕННАН

ХАЛЦЕДОНОВЫЙ ДВОР

ЧТОБ НИКОГДА
НЕ НАСТУПАЛА
ПОЛНОЧЬ

ОТ АВТОРА СЕРИИ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ДРАКОНОВ»

Халцедоновый Двор

Мари Бреннан

**Халцедоновый Двор. Чтоб
никогда не наступала полночь**

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

Бреннан М.

Халцедоновый Двор. Чтоб никогда не наступала полночь /
М. Бреннан — «Издательство АСТ», 2008 — (Халцедоновый
Двор)

ISBN 978-5-17-119532-8

Англия процветает под властью Елизаветы – Королевы-девы, Глорианы, последней и самой могущественной правительницы из династии Тюдоров. Однако великое светило порождает великую тень. В тайных катакомбах под Лондоном содержит свой двор еще одна королева – Инвидиана, правительница эльфов и фей и прочих дивных жителей Англии, темное отражение земного светила. За тридцать лет, миновавших с тех пор, как Елизавета взошла на престол, политика смертных и дивных неразрывно сплелась воедино, в сплошную череду тайных альянсов и беззастенчивых измен, о существовании коих подозревают считанные единицы. Дивную леди Луну посылают следить за Фрэнсисом Уолсингемом, главой разведслужбы Елизаветы, и, по возможности, манипулировать им. Здесь ее путь пересекается с жизненным путем Майкла Девена, смертного джентльмена, человека Уолсингема. Обнаруженный им «неизвестный игрок» в английской политике станет нешуточным испытанием и для лояльности Луны, и для мужества Девена. Предаст ли Луна свою королеву ради блага иного мира? Сумеет ли Девен уцелеть в чужом, полном интриг мире дивных? Ведь только вдвоем им удастся найти источник власти Инвидианы. Найти и уничтожить...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-119532-8

© Бреннан М., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Пролог	7
Акт первый	10
Акт второй	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мари Бреннан
Халцедоновый Двор. Чтоб
никогда не наступала полночь

Marie Brennan
MIDNIGHT NEVER COME

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского Дмитрия Старкова

Copyright © 2008 by Marie Brennan All rights reserved. © Д.А. Старков, перевод на русский язык, 2019 © ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

*Лондонский Тауэр,
март 1554 г.*

Порывы студеного ветра судорожно рвались внутрь сквозь крестообразные окна Колокольней башни, а бездельник-огонь нимало сему не препятствовал. Освещены покои были скверно – лишь солнечным светом, сочившимся из оконных ниш, да пляшущими отсветами камина, что сообщало каменным стенам и скудной мебели особенно мрачный, гнетущий вид. Безрадостное место... однако Лондонский Тауэр для радостей и не предназначен.

Юная девушка, сидевшая на полу у огня, подтянув к подбородку колени, была бледна после долгой зимы и недавней хвори. Тонкое одеяло, наброшенное на плечи, согреться не помогало, но она словно бы и не замечала этого. Темные глаза ее с болезненной завроженностью взирали на пляску языков пламени, точно в попытках вообразить, каково оно, их прикосновение. Хотя ее, конечно же, не сожгут: костер – это для еретиков из простонародья. Ее, скорее всего, ждет усекновение головы. Быть может, и ей, как матери, пожалуют палача-француза, чей меч сделает дело чисто?

Быть может, да. Если Ее величество в своем милосердии удостоит ее этакой заботы. Если у Ее величества вообще отыщется для нее хоть толика милосердия...

Тех нескольких слуг, что оставались при ней, рядом не было: в гневе она отослала всех прочь, а после еще долго пререкалась со стражей, пока не добилась желанного уединения. Да, одиночество угнетало, очень угнетало, однако в сей мрачный момент даже мысли об обществе – о риске выказать слабость перед другими – казались невыносимыми. Поэтому-то, стоило ей, почувствовав рядом чужого, очнуться от забытья, душу вновь объял гнев. Сбросив с плеч одеяло, девушка вскочила и развернулась, готовая дать отповедь незваному гостю.

Однако слова замерли на языке, так и не прозвучав, и даже пламя в камине за ее спиной склонилось в низком поклоне.

Стоявшая перед ней оказалась не из служанок, не из смотрительниц, и вовсе не из тех, кого ей доводилось видеть прежде. Всего лишь женский силуэт, едва различимый во мраке... вот только стояла гостя в одной из ниш с завешенной, заткнутой одеялом бойницей...

...вдали от двери. И появилась в комнате без единого звука.

– Ты – принцесса Елизавета, – сказала незнакомка.

Голос ее был – что холодный дух, мелодичен, мягок, мрачен. Сама же она была высока ростом, даже выше Елизаветы, и более стройна, а одета в блестящее черное платье, плотно облегающее торс, книзу расширявшееся, расцветавшее пышной юбкой, сверху же оканчивающееся высоким стоячим воротом, сообщавшим хозяйке весьма внушительный вид. На черной ткани то тут, то там, элегантно поблескивали темные самоцветы.

– Да, это я, – с достоинством отвечала Елизавета, выпрямившись во весь рост и расправив плечи. – И я не приказывала принимать визитеров.

Принимать визитеров ей и не дозволялось, но в заточении, как и при дворе, бравада многого стоит.

– Я не визитер, – ровным голосом поправила ее незнакомка. – Не думаешь ли ты, что это уединение – твоя собственная заслуга? Стража позволила тебе остаться одной, потому что так устроила я. Потому что мои слова предназначены только для твоих ушей.

Елизавета оцепенела.

– Кто же ты такая, чтобы распоряжаться моей жизнью с этакой бесцеремонностью?

– Друг. – Это слово не несло в себе ни нотки душевного тепла. – Твоя сестра намерена предать тебя казни. Рисковать, оставляя тебе жизнь, она не может: ведь ты – знамя всякого про-

тестантского бунта и всякого недовольного дворянина, что ненавидит ее испанского муженька. Ей нужно избавиться от тебя, да поскорее.

Все это Елизавета уже высчитала и сама: пребывание здесь, в суровых стенах Колокольной башни, являло собой оскорбление для ее положения. Пусть даже пленнице, ей полагались бы куда более уютные покои.

– И ты, несомненно, явилась предложить мне путь к спасению. Однако я не веду переговоров с незнакомцами, вторгающимися ко мне без доклада, и уж тем более не заключаю с ними союзов. Быть может, твоя цель – толкнуть меня к опрометчивым поступкам, дабы мои враги смогли этим воспользоваться.

– Ты в это не поверишь... – Незнакомка сделала шаг вперед, в пятно неяркого серого света. Крестообразная бойница окна за спиной незваной гостьи превратилась в нечто вроде призрачного ореола, натужного подражания благодати Небес. – Ты не поверишь, но твоя сестрица и ее друзья-католики не станут иметь дел с такой, как я.

Тонкая, невесомая, словно дыхание, она должна была казаться безобразно, гротескно худой, но нет, об этом не возникало и мысли: лицо и тело незнакомки несли на себе печать неземного совершенства, безупречной симметрии и грации, столь же пугающей, сколь и завораживающей. Детство Елизаветы прошло в обществе ученых книжников, назначенных ей в учителя, за чтением трудов античных авторов, но знала она и сказания родной земли – предания о «малом народце», о «дивных», о «добром народе», удостоенном множества лестных эпитетов, дабы потрафить непредсказуемой, капризной натуре эльфов и фей.

Увидеть перед собою дивную – такое повергло бы на колени и зрелую даму, а Елизавете исполнился лишь двадцать один. Однако принцессе с самого детства пришлось пережить немало политических бурь, об руку с братом промчавшись по жизни от бесславного падения матери к собственному возвышению, но лишь затем, чтобы вновь пасть с вершины, когда на трон взошла сестра-католичка. Да, Елизавета была не только достаточно разумна, чтоб испугаться, но и достаточно упряма, чтоб не поддаться страху и до конца цепляться за гордость, раз уж ничего иного у нее не осталось.

– Ты думаешь, меня обморочить проще, чем сестрицу? Кое-кто говорит, будто ваше племя – падшие ангелы, а то и слуги самого дьявола.

Смех гостьи зазвенел осколками битого хрустала, эхом отозвавшись под каменными сводами.

– Нет, дьяволу я не служу. Я предлагаю тебе договор о взаимной поддержке. Приняв мою помощь, ты не только покинешь Тауэр, но и займешь трон сестры. Трон своего отца. Отвергнешь ее – и жизнь твоя наверняка в скором времени подойдет к концу.

Однако, прекрасно зная, что такое политика, Елизавета даже не стала раздумывать над предложением, не выслушав его целиком.

– Ну, а взамен? Какой дар – несомненно, лишь мелкий, незначительный пустячок – потребуешь ты от меня?

Губ незнакомки коснулась едва заметная улыбка.

– О, это отнюдь не мелкий пустячок. Подобно тому, как я помогу тебе взойти на престол, ты сможешь взойти на престол мне. Когда же мы обе окажемся у власти, возможно, снова сумеем друг другу пригодиться.

Все трезвые, расчетливые инстинкты, вся природная недоверчивость натуры остерегала Елизавету от подобного соглашения. Однако над ней уже реял дух смерти, уверенность в ожесточении и ненависти сестры укреплялась день ото дня. Разумеется, у нее имелось довольно союзников, но где же они? Их нет. Стоит ли полагаться на то, что они спасут ее от плахи и топора?

– Ты еще не назвала мне своего имени, – сказала она, дабы скрыть свои мысли.

Фея сделала паузу.

– Инвидиана, – веско отвечала она.

Вскоре вернувшись, служанки Елизаветы обнаружили, что госпожа их по-прежнему сидит в кресле у камина, устремив взгляд в его огненный зев. В покоях опальной принцессы царил леденящая стужа, однако Елизавета не потрудилась укрыться ни плащом, ни одеялом. Тонкие, изящные руки принцессы мирно покоились на подлокотниках. Весь этот день и в течение многих других, пришедших ему на смену, она держалась спокойно и тихо – настолько, что камеристки начали за нее волноваться, но, получив известие, что принцессе разрешено время от времени прогуливаться по стене и дышать свежим воздухом, немало воспрянули духом. Несомненно, – надеялись они, – будущее их госпожи, а значит, и их собственное будущее, наконец-то изменится к лучшему!

Акт первый

*Узрев ее, остановило время ход,
День, месяц, год – эпоха перед ней покорно ждет.
Царить ей днесь, владычице, богине,
Пока светила вспять не повернут, и время не
утратит имя.*

*Джон Дауленд.
Третья, последняя книга песен и мадригалов*

Не тревожа безмолвия звуком шагов, он, далеко не столь юный, каким мог бы показаться с виду, плывет вдоль коридора, точно под ногами – не камень, а тот же сумрак, что окружает его со всех сторон.

Шепот его вьется в воздухе, отражается негромким эхом от отсыревшего камня стен:

– Любит... Не любит...

Плотный бархат и блестящая парча богатых, черных с серебром одежд, бледная кожа, десятки лет не видевшая солнечного света, не укрощенные, не завитые в букли волосы свободно ниспадают на плечи, лицо гладко выбрито – так нравится ей.

– Любит... Не любит...

Тонкие пальцы щиплют нечто невидимое, словно бы обрывая с ромашки лепесток за лепестком, чтоб тут же, позабытый, обронить его наземь.

– Любит... Не любит...

Идущий резко останавливается, всматривается во мрак, тянется дрожащей рукою к глазам.

– Она, понимаешь ли, хочет забрать их, – доверительно сообщает он тому, кого видит, или же думает, будто видит. За годы, проведенные здесь, мироздание сделалось для него субстанцией послушной, податливой, недолговечной, меняющейся ни с того ни с сего. – И сегодня опять говорила об этом. Забрать у меня глаза... Тиресий был слеп. А еще одно время – знаешь? – был женщиной. И у него была дочь. А у меня дочери нет.

Дыхание его прерывается, застревает в горле.

– Когда-то у меня была семья. Братья, сестры, мать с отцом... Я был влюблен. И вполне мог бы иметь дочь. Но ныне их всех уже нет. Есть только она – только одна она на всем белом свете. Об этом она позаботилась.

Не устаивая вниманием грязь, пятнающую его роскошные одежды, он прислоняется к стене, сползает вниз, садится на пол. Вокруг – один из дальних подземных коридоров Халцедонового Чертога; хладный блеск дворцовых красот остался в стороне. Она позволяет ему гулять, бродить, сколько заблагорассудится, хоть и не отпускает далеко. Кому она делает больше, держа его рядом – ему или себе самой? Ведь только он, только он один помнит, каким был этот двор в его ранние дни. Даже она предпочла об этом забыть – так зачем же тогда удерживает его при себе?

Ответ известен. И всегда неизменен, каким бы ни был вопрос. Власть, да еще – иногда – развлечение. Иных причин ей не надобно.

– И что вверху, подобно тому, что внизу, – шепчет он незримому собеседнику, порождению своего большого разума. – А что внизу, подобно тому, что вверху.

Взгляд сапфировых глаз устремляется кверху, точно способен проникнуть сквозь каменную толщу и чары, скрывающие Халцедоновый Чертог от нежеланных взоров.

Там, наверху – утраченный им мир, прежний мир, что порой кажется только сном (вот он, еще симптом, еще один признак безумия). Людные, грязные улицы Лондона, кишашие торговцами и чернорабочими, благородными и ворами, иностранцами и деревенщиной; деревянные дома, узкие переулки, доки, великая Темза – человеческая жизнь во всем своем лубочном великолепии! И, разумеется, блеск верхнего двора, царственной Тюдор, Елизаветы Регины, королевы Англии, Франции и Ирландии, Глорианы с ее великолепной свитой.

Великое светило, что порождает великую тень...

А он сидит далеко внизу, в темноте, прислонившись спиной к стене и поджав к подбородку колени. Взгляд его падает вниз, и он вновь поднимает руки, словно вспомнив о позабытом цветке.

– Любит...

– Не любит...

Ричмондский дворец, Ричмонд,

17 сентября 1588 г.

– Подойди ближе, юноша, дай-ка взглянуть на тебя.

В покоях, отделанных резными дубовыми панелями, было полно народу – одни держались неподалеку, другие же сидели в стороне, играя в карты и тихо беседуя. Сидевший у окна музыкант наигрывал на лютне простенький мотив, а он, Майкл Девен, никак не мог избавиться от ощущения, будто все вокруг открыто или украдкой смотрят на него. Казалось, их пристальные взгляды сообщают всему телу неожиданную неловкость, вяжут по рукам и ногам.

К аудиенции он во всем, что касается внешности, подготовился с более чем обыкновенным тщанием. По заверениям портного, щегольская парча дублета¹ как нельзя лучше сочеталась с синевой его глаз, рукава рассекали вставки из белого шелка, каждая прядка тщательно уложенных волос знала свое место, а кроме того надел он и все свои драгоценности, какие только гармонировали друг с дружкой. Однако ж среди сего общества выглядел он лишь чуточку более, чем сносно, отчего каждый новый искоса брошенный в его сторону взгляд ложился на плечи новой унцией тяжкого бремени.

Но если ему не удастся произвести впечатления на даму, сидящую прямо перед ним, все эти взгляды – сущий вздор.

Смело, точно вокруг нет больше никого, выступил Девен вперед и как мог изящнее поклонился, ради пушшего эффекта откинув в сторону край полуплаща.

– Ваше величество...

Стоя в этакой позе, он мог видеть лишь подол ее платья, украшенный искусной вышивкой – кораблями и ветрами. Память о недавней победе над Великой Армадой, стоящая больше, чем весь его гардероб... Остановив взгляд на доблестном английском паруснике, он молча ждал.

– Взгляни на меня.

Выпрямившись, он оказался лицом к лицу с той, что сидела на троне под балдахином.

Разумеется, он уже видел ее – издали, на церемониях в честь годовщин коронации и прочих великих празднеств, блистательную, прекрасную, рыжеволосую, с безупречно белой кожей лица. Вблизи рукотворность сей красоты была очевидна. Никакая пудра, никакие румяна не могли полностью скрыть ни следов черной оспы, ни тонких костей лица, явственно проступавших сквозь старческую кожу, но взгляд ее темных глаз искупал все: внутреннее обаяние королевы с лихвой покрывало любые изъяны внешней красоты.

---

¹ Дублет – мужская верхняя одежда, распространенная в Западной Европе вплоть до XVII в., первый образец одежды, который плотно сидел на теле, нередко – с отдельными рукавами, пришитыми или притянутыми шнурками к плечам. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

– Хм-м-м, – протянула Елизавета, откровенно изучив его снизу доверху, от полированных пряжек туфель до крашеного пера на шляпе, и уделив особое внимание обтянутым чулками ногам. Так смотрит барышник на лошадь в раздумьях, стоит ли та запрошенных денег. – Значит, ты и есть Майкл Девен. Хансдон говорил о тебе, но я желаю услышать ответ из твоих собственных уст. Чего же ты просишь?

Его ответ давно был готов – только и ждал своего часа на языке.

– Всемиловейшего позволения Вашего величества служить при вас, чтоб охранять ваш трон и вашу особу от всех нечестивых врагов, кто вздумает угрожать вам.

– А если я отвечу «нет»?

Майкл сглотнул. Подбородок и горло под свеженакрахмаленным гофрированным воротником чувствительно зачесались. Нелегкая же это забота – одеваться согласно вкусам королевы!

– Тогда быть мне самым счастливым и самым несчастным из людей. Счастливым уже оттого, что добился такого, о чем большинство и не мечтает – удостоился чести, пусть на короткий миг, предстать пред царственные очи Вашего величества, несчастным же – потому, что должен буду покинуть вас и более не возвращаться. Что ж, тогда буду служить вам вдали и молить Господа, чтобы однажды служение королевству и его славной владычице вновь хоть ненадолго вознаградило меня тою же благодатью.

Эти витиеватые словеса он репетировал до тех пор, пока не смог произнести их, не чувствуя себя дураком, и все это время надеялся, что Хансдон не сыграл с ним злой шутки и придворные не разразятся хохотом, слыша сии непомерные похвалы. Но нет, смеяться никто и не думал, и напряжение меж лопаток отчасти унялось.

Уголки губ Ее величества дрогнули в намеке на улыбку. «Да ведь истинная цена наших славословий ей прекрасно известна», – подумал Девен, на краткий миг встретившись с нею взглядом. Впрочем, немудрено: Елизавета была отнюдь не из юных девиц, чьи головы можно вскружить сладкозвучными речами, и понимала всю несуразность высот, до коих возносили ее комплименты придворных. Гордыня Елизаветы тешилась лестью, а политический ум находил ей должное применение.

«Наши хвалы делают ее величие непомерным, и это прекрасно служит ее целям».

Однако сие рассуждение нимало не облегчало аудиенции.

– Ну, а семья? По-моему, твой отец – член Почтенной компании торговцев канцелярскими принадлежностями².

– И джентльмен, государыня, владеющий землями в Кенте. А также – ольдермен Фаррингдона Внутри³, и с радостью служит Короне, печатая определенные религиозные тексты. Я же, со своей стороны, не наследую его ремесла, но состою в Грейс-Инн⁴.

– Хотя учение твое, насколько я понимаю, не завершено. Ты бывал в Нидерландах, не так ли?

Щекотливый предмет, учитывая тамошние неудачи и, прежде всего, нежелание королевы отправлять туда солдат... однако его военные деяния в Нижних Землях, наряду с прочим, и позволили отличиться настолько, чтобы сегодня оказаться здесь.

---

² Почтенная компания торговцев канцелярскими принадлежностями – одна из лондонских торговых ассоциаций, «ливрейных компаний», пришедших на смену гильдиям, монополист в области книгоиздания и книготорговли.

³ Олдермен (*англ.* alderman, от *англо-сакс.* ealdorman, дословно – старейшина, староста) – изначально глава местного собрания или органа управления у англо-саксов, в дальнейшем – член муниципального совета или муниципального собрания в Великобритании и англоязычных странах. Фаррингдон Внутри (*англ.* Farringdon Within) – один из 25 округов Лондонского Сити, часть исторического и финансового центра Лондона.

⁴ Почетное общество Грейс-Инн (*англ.* The Honourable Society of Gray's Inn, или просто Gray's Inn) – одно из четырех юридических заведений (так называемых судебных иннов) Лондона, объединяющее барристеров и судей. Кроме юридической практики, в судебных иннах готовят к самостоятельной работе молодых юристов, окончивших высшие учебные заведения.

– Именно так, государыня. Два года тому назад я служил в Зютфене, вместе с вашим дворянином Уильямом Расселом.

Королева, не сводя с него взгляда, рассеянно повертела в руках шелковый веер.

– Какими владеешь языками?

– Латынью и французским, государыня.

Освоенные начатки голландского упоминания не заслуживали.

Королева немедля перешла на французский:

– Случалось ли тебе бывать во Франции?

Оставалось лишь молить Господа, чтоб его выговор оказался удовлетворительным. Хвала небесам, она не выбрала латыни...

– Нет, государыня. Вначале я был занят учебой, затем же, с началом раздора, лишился такой возможности вовсе.

– И хорошо. Слишком уж многие из вас, из молодежи, вернулись оттуда католиками. – По-видимому, это была шутка: кое-кто из придворных добросовестно захихикал. – Ну, а стихи? Не пишешь ли ты виршей на досуге?

По счастью, Хансдон предупредил хотя бы о том, что королева начнет задавать вопросы, не имеющие ничего общего с формальной целью его прихода. «Всякий ее приближенный, – сказал лорд-камергер, – должен соответствовать определенным меркам. Он должен быть красив и обладать чувством прекрасного. Каковы бы ни были твои обязанности при дворе, изволь также украшать собою ее окружение».

– Нет, государыня, собственных не пишу, однако над переводами работать пытался.

Елизавета кивнула, словно сие разумелось само собой.

– Скажи, каких поэтов ты читал? Не переводил ли из Вергилия?

Изо всех сил стараясь поспеть за непоседливым умом королевы, так и скакавшим от предмета к предмету, Девен успешно отразил и этот, и прочие вопросы, и все – по-французски. Пусть королева и состарилась, но разум ее не выказывал ни малейшей медлительности. Мало этого, время от времени она шутила с окружающими ее придворными, и не только по-английски, но и по-итальянски. Пожалуй, громче всего приближенные Елизаветы смеялись над итальянскими остротами, которых Майкл не понимал. Делать нечего: если он будет принят ко двору, итальянский придется освоить. Хотя бы ради самозащиты.

Без предупреждения оборвав допрос, Елизавета бросила взгляд за плечо Девена.

– Лорд Хансдон, – сказала она.

Означенный дворянин с поклоном выступил вперед.

– Скажи-ка: не опасно ли предавать свою жизнь в руки сего джентльмена?

– В его руках, как и в руках всех прочих джентльменов Вашего величества, – отвечал седовласый барон, – ваша жизнь в полной безопасности.

– Весьма обнадеживающе, – сухо заметила Елизавета, – учитывая, что Тилни совсем недавно казнен как заговорщик.

С этим она вновь устремила на Девена стальной взгляд. Едва сдержав порыв затаить дух, Девен мысленно взмолился о том, чтобы не показаться королеве похожим на прокатолического заговорщика.

Наконец Елизавета решительно кивнула.

– Он заручился твоими рекомендациями, Хансдон? Тогда – быть по сему. Добро пожаловать в ряды Благородных пенсионеров⁵, мастер Девен. О твоих обязанностях тебе расскажет Хансдон.

---

⁵ Почетный отряд благородных пенсионеров – личная охрана британского монарха (в наше время – Корпус офицеров почетного эскорта).

Королева протянула Девену изящную руку с длинными пальцами (предмет ее особой гордости; руки Елизаветы неизменно изображались на многих ее портретах). Целовать ее пальцы... это казалось очень и очень странным, точно целуешь статую или одну из икон, которым поклоняются паписты. Коснувшись губами бледной кожи, Девен поспешил со всею возможной – лишь бы не преступить рамки учтивости – быстротой отступить назад.

– Покорнейше благодарю, Ваше величество. Молю Господа, чтоб моя служба никогда вас не разочаровала.

Королева рассеянно кивнула. Внимание ее уже было устремлено к другому придворному, и Девен, выпрямляясь, мысленно перевел дух.

Хансдон поманил его за собой.

– Кстати сказать, – заговорил лорд-камергер и капитан Благородных пенсионеров, – охрана монаршей персоны будет вовсе не главной вашей обязанностью. Разумеется, Ее величество никогда не бывает на войне лично, так что военных действий вам не видать, если только не отыщете их сами.

– Или испанцы не организуют более успешного вторжения, – добавил Девен.

Лицо барона помрачнело.

– Дай Бог, чтоб этого не произошло.

Двоем прошли они сквозь толпу придворных, собравшихся в Приемном зале, и вышли сквозь двери, украшенные великолепной резьбой, в Караульную палату.

– Новая четверть года начнется с Михайлова дня, – сказал Хансдон. – Тогда-то и приведем вас к присяге, так что времени на личные дела вам хватит. Срок службы продолжается три месяца, и вам, согласно уложению, полагается отслужить два срока каждый год. На практике, разумеется, многие из нашего отряда уговариваются с другими о подменах, и потому одни почти постоянно при дворе, а другие сюда и носа не кажут. Но в первый год я требую от каждого отслужить оба положенных срока.

– Понимаю, милорд.

Действительно, Девен искренне намеревался провести при дворе все положенное время, а если удастся, то и более. Повышения не добьешься, не заручившись благоволением тех, кто оным жалуется, а пребывая вдали от них, на фавор рассчитывать глупо. Во всяком случае, без родственных связей – каковых, поскольку отец в среде джентри⁶ был новичком, Девену самым отчаянным образом недоставало.

Что же до связей имеющихся... И в Приемном зале, и здесь, в Караульной палате, обители придворных, не пользующихся особым благоволением королевы, Девен смотрел вокруг во все глаза, но нигде не видел того, кого воистину надеялся отыскать – того самого человека, которому был обязан сегодняшней удачей. Да, королеве его, воспользовавшись привилегией капитана Благородных пенсионеров, рекомендовал Хансдон, однако мысль сия принадлежала отнюдь не лорд-камергеру.

– Прежде, чем начать службу, закажите одежды получше, – ни сном ни духом не ведая о Девеновых размышлениях, продолжал Хансдон. – Денег, если нужно, возьмите займы: в этом вас никто не упрекнет. Вряд ли хоть кто-нибудь здесь, при дворе, не должен той или иной особе некоторых сумм. Королева просто обожает модное платье – и на себе, и на окружающих. Безыскусный вид – лучший способ навлечь ее недовольство.

Действительно, единственный визит в Приемный зал, в это царство избранных, подтверждал истинность сего утверждения как нельзя лучше. Между тем Девен и без того уже пребывал в долгах: придворная карьера обходится недешево, путь к возвышению необходимо мостить дарами на каждом шагу. Похоже, придется влезать в долги еще глубже. Таков уж, как

---

⁶ Нетитулованное мелкопоместное дворянство.

и предупреждал отец, его жребий – потратить все, что имеешь, и даже больше, ради надежд сторицей окупить все затраты в будущем.

Разумеется, выигрывал в этой игре не всякий. Однако... Дед Девена был почти неграмотен, отец же, возделывая ниву книгопечатания, добыл довольно богатств, чтобы примкнуть к рядам джентри, а сам Девен намеревался вознестись еще выше.

И у него даже имелась мысль, как это сделать – только бы отыскать нужного человека.

– Милорд, – заговорил Девен, спускаясь по лестнице на две ступени позади Хансдона, – не могли бы вы посоветовать, как мне найти господина главного секретаря?

– А? – Барон покачал головой. – Сегодня Уолсингема при дворе нет.

Проклятье! Однако Девен обуздал себя и сохранил внешнее подобие учтивости.

– Понимаю. В таком случае, мне, очевидно, следует...

Тут он осекся, не завершив фразы: внизу, в галерее, показались знакомые лица – Уильям Рассел, и Томас Вавасор, и Уильям Ноллис, и еще двое знакомых по битвам в Нижних Землях. Дождавшись поощрительного кивка Хансдона, все они испустили радостный вопль, бросились навстречу и принялись наперебой хлопать Девена по спине.

Намерение до наступления вечера вернуться в Лондон было растоптано в прах прежде, чем Девен успел его высказать. Борьба с гласом рассудка, продлившись не больше минуты, завершилась полной победой: в конце концов, отныне он, Майкл Девен – придворный, а значит, должен и даже обязан вкушать все радости жизни при дворе.

*Халцедоновый Чертог, Лондон,
17 сентября 1588 г.*

Отраженное от полированных каменных стен, эхо тихого ропота вперемежку с нечастыми взрывами ледящего душу резкого смеха уносилось вдаль, скакало среди филигранных панелей из хрусталя с серебром, заполнявших собою пространство меж сводчатыми арками. Холодные огни озаряли целое море фигур, высоких и низкорослых, уродливых и прекрасных. Нечасто ко Двору собирались такие толпы, однако сегодня все ждали неких событий. Каких? Этого никто не ведал (хотя слухов, как обычно, хватало), но ни один из тех, кто только мог прийти, пропустить их не пожелал.

Итак, дивные жители Лондона, собравшись в Халцедоновом Чертоге, циркулировали среди черно-белого мрамора флорентийских мозаик огромного приемного зала. Дабы попасть сюда, придворным быть не требовалось, и посему среди лордов и фрейлин имелось немало визитеров с окраин, по большей части – в том же будничном платье, в коем они ходили каждый день. На фоне их монолитной серости изысканные туалеты придворных сверкали ярче обычного. Платья из паутины и дымки тумана, дублеты из розовых лепестков, наложенных друг на дружку, точно чешуйки брони, драгоценные украшения из света луны и звезд, прочая эфемерная роскошь – ради великого приема при дворе дивные, звавшие Халцедоновый Чертог своим домом, принарядиться не поленились.

Принарядились, собрались, и теперь ожидали. Пустовало лишь возвышение у дальней стены приемного зала – то самое, на коем стоял трон. Его затейливое кружево из серебра и самоцветов могло показаться паучьей сетью, дожидавшейся возвращения своей прядильщицы. Никто не взирал на трон королевы открыто, но каждый из дивных, собравшихся в зале, нет-нет да и косился на него краешком глаза.

Каждый... а Луна – чаще всех. А если нет, то бродила по залу – безмолвная, одинокая. Слухи и шепотки разносятся быстро; пожалуй, о том, что она уже не в фаворе, стало известно даже живущим за пределами Лондона. Впрочем, возможно, и нет: из опасений, простиравшихся от вполне обоснованных до откровенно абсурдных, провинциальные дивные всегда старались держаться подальше от придворных. Но, в чем бы ни состояла причина, подол ее

сапфирово-синих юбок лишь изредка касался чьего-то еще. Казалось, королевская немилость окружает ее незримой непроницаемой сферой.

И вот с дальней стороны зала загремело, зарокотало, точно удары волн о скалистый берег:

– Грядет! Грядет повелительница всех дивных Англии, от белых скал Дувра до камней древней стены! Дорогу королеве, владычице Халцедонового Двора!

Море дивных всколыхнулось внезапной приливной волной: все собравшиеся пали ниц. Самые скромные (и самые робкие) простерлись на черно-белом мраморе, отведя лица в стороны и накрепко зажмурил глаза. Луна прислушалась. Вот мимо мерно, уверенно прогрохотали тяжелые шаги. За ними последовал призрачный шепот юбок. По залу пронеслось холодное дуновение – скорее воображаемое, чем осязаемое.

Минута, и двери в приемный зал с грохотом затворились.

– По повелению госпожи вашей поднимитесь и предстаньте пред ее очи! – пророкотал громopodobный голос.

Охваченные дрожью, придворные поднялись на ноги и повернулись к возвышению.

Недвижно восседавшая на троне, Инвидиана могла бы сойти за собственный портрет. Хрусталь и черный агат, украшавшие ее платье, составляли рельефные узоры, прекрасно гармонирующие с узорчатой филигранью трона, в то же время являя собою резкий контраст с балдахинном над возвышением. Безупречный лик королевы в обрамлении высокого, окаймленного бриллиантами воротника не выражал никаких чувств, но Луне казалось, что там, в глубинах ее холодных темных глаз, таятся искорки веселья.

Оставалось надеяться, что в сем она не ошибается. Не испытывая веселья, Инвидиана нередко впадала в гнев.

Размышляя об этом, Луна старалась не встречаться взглядом с особой, стоявшей подле королевы. Кавалерственная дама⁷ Альгреста Нельт застыла, как каменный столп – ноги широко расставлены, руки сцеплены за могучей спиной. Казалось, тяжесть ее взгляда пригибает к полу. Где только Инвидиане удалось отыскать Альгресту и двух ее братьев? Об этом не ведал никто. Где-то невдалеке, на севере, хотя некоторые говорили, будто прежде они жили за морем, в землях альвов, пока за некие неизвестные преступления не отправились в изгнание. Так или иначе, за право возглавить личную гвардию Инвидианы троице великанов пришлось сойтись пред королевским тронном в решительном бою, и Альгреста победила. Благодаря не росту, не силе, но жестокости, и Луна прекрасно знала, что великанша сделала бы с нею, будь на то ее воля.

Гибкий, точно змея, дивный в изумрудно-зеленом дублете, сидевшем на нем, точно вторая кожа, поднялся на две ступени ближе к трону, склонился перед королевой и повернулся лицом к залу.

– Дивный народ! Добрые феи и эльфы, – возвысив вкрадчивый до елейности голос, заговорил Валентин Аспелл, – сегодня мы принимаем гостей – сородичей, понесших трагическую утрату.

По слову лорда-распорядителя двери в приемный зал распахнулись. Опершись ладонью об острые грани колонны, Луна вместе со всеми повернулась навстречу гостям.

Ну и жалкий же вид имели вошедшие дивные! Грязные, изнуренные, простые одежды изорваны в клочья... Проковыляв в зал, все они замерли в благоговейном ужасе сельских жителей, впервые столкнувшихся с холодным великолепием Халцедонового Чертога. Придворные попятнулись в стороны, освобождая дорогу, но вовсе не уважение немедля открыло гостям путь к Инвидиане – напротив, на лицах многих отразилось деланное, ехидное сострадание. Дело было в ином: за чужаками, точно пастух за стадом, следовал брат Альгресты, сэр Пригурд. С терпеливой целеустремленностью подталкивая пришельцев вперед, он подвел гостей к подно-

---

⁷ В Англии, а затем Великобритании – эквивалент рыцарского звания для женщин.

жию трона. Тут вышла недолгая заминка, прерванная раскатившимся по залу рыком Альгресты. Крестьяне, как один, встрепнулись, задрожали и бросились на пол.

– Вы преклонили колени пред королевой Халцедонового Двора, – допустив некоторую неточность (двое из незнакомцев вправду опустились на колени, но остальные попадали ниц) объявил Аспелл. – Поведайте ей и собравшимся здесь первым лицам ее королевства о постигшем вас горе.

Один из двоих преклонивших колени, коренастый дух-домовой, заметно утративший бодрую, жизнерадостную тучность, повиновался приказу первым. По счастью, ему хватило здравого смысла не подниматься.

– Ваш-вашество, блаародное величество, – начал он, – мы тут, тово... все потеряли, значить.

Последовавший за сим рассказ излагался на практически непостижимом сельском диалекте, и вскоре Луна оставила все попытки вникнуть в его подробности. Впрочем, общий смысл оказался достаточно ясен. Рассказчик-домовой служил некоему семейству с незапамятных времен, но вот недавно смертных вышвырнули прочь с их земель, а дом их сожгли дотла. Мало этого, подобные несчастья постигли отнюдь не его одного. Осушив окрестные топи, землю с пожарищем и всем остальным отдали под какое-то фермерское хозяйство нового вида, а крохотную деревеньку соединили дорогой с другой, покрупнее, в результате чего погиб местный хозяин дубовой рощи, а курган некоего дивного из малозначительных сровняли с землей.

По завершении рассказа снова возникла заминка. Тогда домовый пихнул локтем изрядно побитого жизнью, жалкого вида лесного духа, пака, дрожавшего на полу рядом с ним. Пак нервно, пронзительно вскрикнул и вынул откуда-то грубый холщовый мешок.

– Ваш-вашество, – повторил домовой, – мы тута вам гостинцев кой-каких принесли.

Аспелл выступил вперед, принял у домового мешок, один за другим вынул из него принесенные дары и передал их Инвидиане. Первой на свет появилась роза с рубиновыми лепестками, за нею – веретено, что вертится само собой, резная чаша из огромного желудя и, напоследок, небольшая шкатулка. Подняв крышку, Аспелл повернул ее к королеве. В зале поднялся шорох, половина придворных вытянули шеи, дабы взглянуть, что там, внутри, но содержимое шкатулки так и осталось для всех секретом.

Так ли, иначе, дарами Инвидиана осталась удовлетворена. Взмахом белоснежной руки отослав Аспелла прочь, королева впервые за все это время разомкнула уста.

– Мы выслушали повесть о ваших утратах, и дары ваши радуют наш глаз. Не бойтесь, новое жильё вам непременно подыщут.

Ее холодные, бесчувственные слова положили начало целому шквалу поклонов и расшаркиваний со стороны деревенских дивных; домовой, не поднимаясь с колен, вновь и вновь припадал лицом к полу. Наконец Пригурд поднял просителей на ноги, и гости с немалым облегчением, радуясь своему счастью, а также возможности наконец-то убраться с глаз королевы, засеменили к выходу.

Луне их было жаль. Злосчастные глупцы, несомненно, отдали Инвидиане все свои сокровища – и много ли им с того проку? Несложно догадаться, кем и какими средствами было затеяно сие благоустройство сельских угодий! Вопрос только, чем дивные из этих мест ухитрились так разгневать королеву, что та в отместку уничтожила их дома?

Хотя, возможно, все это – не более, чем средство достижения иной цели.

Инвидиана окинула взглядом придворных и снова заговорила. Возможно, прежде какой-нибудь оптимист и сумел бы различить в ее тоне едва уловимый намек на добродушие, но теперь от него не осталось ни следа.

– Когда ушей наших достигли вести о сих бедствиях, мы поручили нашему преданному вассалу Ифаррену Видару разузнать обо всем.

Тощий, точно скелет, Видар стоял на видном месте, у подножия трона, и в этот миг на губах его заиграла самодовольная усмешка.

– И что же? Верный слуга поведал нам нечто совершенно возмутительное – такое, что нашим скорбящим сельским собратьям и пригреться не могло.

Сдержанная любезность ее тона леденила кровь пуще всякого гнева. Охваченная дрожью, Луна прижалась спиной к острым граням колонны. «Луна и Солнце, – подумала она, – пусть это меня не коснется!» Разумеется, в тех возмутительных событиях она не участвовала и даже не знала, что произошло, однако это ровным счетом ничего не значило: в искусстве фабрикации обвинений по мере нужды Инвидиана с Видаром были отнюдь не новичками. Неужто королева уберегла ее, Луну, от Алыгресты Нельт только затем, чтобы устроить ей эту ловушку?

Если так, ловушка столь хитроумна, что и не раскусить... История, изложенная Инвидианой, несомненно, была шита белыми нитками – один из дивных якобы решил отомстить другому, уничтожив земли собрата, – однако замешанной в ней особы, некоего мелкопоместного рыцаря по имени сэра Торми Кадогант, Луна почти не знала.

Обвиняемый сделал единственное, что мог бы предпринять на его месте любой. Не явись он ко двору, пожалуй, имело бы смысл бежать. Конечно, попытку найти убежище среди французских, шотландских либо ирландских дивных сочли бы изменой, но все же, сумев пересечь границу, он оказался бы спасен. Увы, он пребывал здесь, а посему, протолкавшись сквозь толпу, бросился ниц перед троном и с мольбою простер руки к королеве.

– Простите меня, Ваше величество, – с самой что ни на есть неподдельной дрожью в голосе взмолился он. – Не следовало мне так поступать. Признаюсь: да, я совершил преступление против ваших прав суверена, но сделал это лишь из...

– Молчать! – прошипела Инвидиана, и рыцарь осекся на полуслове.

Что ж, возможно, жертвой этой затеи действительно был Кадогант. А может, и нет. Без сомнения, он невиновен, однако сие не говорило Луне ни о чем.

– Подойди ко мне и преклони колени, – велела королева.

Дрожа, как осиновый лист, Кадогант взмолился на возвышение и пал на колени перед троном.

Длинные пальцы Инвидианы скользнули к корсажу платья. Брошь, украшавшая центр низкого выреза на груди, отделилась от ткани, оставив среди затейливой вышивки зияющее черное пятно. Инвидиана поднялась с трона, и собравшиеся вновь преклонили колени, однако на сей раз взгляды всех, от Аспеллы с Видаром до нижайшего безмозглого духа, были устремлены вверх – все знали: им надлежит видеть то, что последует далее. Оцепенев от страха, смотрела в сторону трона и Луна.

Драгоценная брошь даже по меркам дивных являла собою сущий шедевр ювелирного мастерства. Безукоризненно симметричная ажурная оправа из серебра, совлеченного на землю с самой луны, заключала в себе настоящий черный бриллиант – не из тех крашенных, что носят люди, но камень, таивший в себе темное пламя. Самоцвет окружали жемчужины затвердевших русалочьих слез вперемежку с бритвенно-острыми осколками обсидиана, но средоточием, источником силы, служил именно он.

Нависнув над коленопреклоненным Кадогантом, словно воплощение неумолимой жестокости, Инвидиана простерла руку вперед и приложила брошь ко лбу дивного, в точности между глаз.

– Прошу тебя, – прошептал Кадогант.

В мертвой тишине слова эти достигли самых дальних уголков приемного зала. Сколь бы ни храбр был сэра Торми, перед лицом королевского гнева, в надежде на чувство, заменявшее Инвидиане милосердие, он молил о пощаде.

Ответом ему был тихий щелчок, с коим из бриллианта выдвинулись, впившись в кожу рыцаря, полдюжины игольно-острых паучьих когтей.

– Торми Кадогант, – холодно и официально провозгласила Инвидиана, – сим налагаю на тебя запрет. Отныне в пределах Англии не носить тебе титулов и благородного имени. Не скрываться тебе и в чужой земле. Отныне бродить тебе по градам и весям, не проводя в одном месте более трех ночей, не высказать и не написать никому ни единого слова, вовек оставаться немым, безгласным изгнанником в собственных землях.

Почувствовав, как бриллиант полыхнул колдовской мощью, Луна прикрыла глаза. Подобные проклятия она видела не впервые и кое-что знала об их природе. Нарушение запрета влекло за собой только одно.

Смерть.

Не просто изгнание, но и невозможность общаться... Должно быть, Кадогант замышлял какую-нибудь измену. А кара – намек для его соратников, настолько тонкий, что адресаты поймут все вмиг, тогда как несведущие даже не заподозрят о существовании заговора.

Дрожь вновь прокатилась волной по всему телу. Такая же участь могла постичь и ее, разгневайся Инвидиана на ее неудачу хоть сколько-нибудь сильнее.

– Ступай! – прорычала Инвидиана.

Луна не открывала глаз, пока неверные, шаркающие шаги не стихли вдали.

Но вот Кадогант ушел, а Инвидиана садиться не торопилась.

– Что ж, с этим делом покончено... до поры, – сказала она.

Ее слова несли в себе зловещий намек на то, что Кадогант, может статься, отнюдь не последняя жертва. Но, что бы ни случилось дальше, случится оно не сейчас. Собравшиеся вновь опустили взгляды к полу, королева стремительно покинула зал, и когда двери за ней, наконец, затворились, все дружно перевели дух.

Словно бы порожденная ее уходом, под сводами зала зазвучала меланхолическая, траурная мелодия. Бросив взгляд в сторону трона, Луна увидела светловолосого юношу. Вольготно расположившийся на ступенях, музыкант покачивал флейтой и перебирал клапаны ловкими пальцами. Подобно всем смертным игрушкам Инвидианы, он получил имя, взятое из преданий древних греков, вовсе не без причины. Незатейливая музыка Орфея не просто напоминала о горестях сельских дивных и о падении Кадоганта. Кое-кто из злорадствовавших нахмурился, и взоры их исполнились раскаяния. Некая темноволосая фея начала танцевать, ее стройное тело заструилось, точно воды ручья, придавая музыке облик. Дабы не угодить в силки Орфея следом за нею, Луна поджала губы и поспешила к дверям.

В дверях, привалившись плечом к косяку, скрестив на груди костлявые, туго обтянутые шелком предплечья, стоял Видар.

– Понравилось ли вам представление? – спросил он все с той же самодовольной ухмылкой на губах.

Как же Луне захотелось ответить на это какой-нибудь великолепной остротой, сбить с него спесь и посмотреть, твердо ли он уверен, что пребывает в фаворе у королевы, а она, Луна – нет! В конце концов, дивным нередко случалось впадать в немилость, а после оказывалось, что это – лишь часть некоей сложной интриги. Однако ее, не защищенную никакими интригами, остроумие подвело. Видар ухмыльнулся шире прежнего. Молча протиснувшись мимо, Луна покинула зал.

Слова Видара – а может, судьба Кадоганта, или же бедных, горемычных сельских пешек – встревожили Луну до глубины души. Оставаться у всех на глазах и воображать, будто все сплетники вокруг смакуют ее опалу, было просто невыносимо. Вместо этого Луна со всей поспешностью, какую только могла себе позволить, направилась сквозь лабиринт коридоров к себе.

Затворенная за собою дверь даровала иллюзию убежища. Обставлены обе комнаты были роскошно и куда мягче, уютнее общедоступных залов Чертога: пол покрывал толстый слой камыша, на стенах висели гобелены со сценами из мифов о величайших дивных. С ее появлением в мраморном камине, озарив покои теплым сиянием, вспыхнул огонь, и по полу протя-

нулись длинные тени пары стоявших у камина кресел. Пустых, разумеется: в последнее время гостей Луна принимала нечасто. Дверь в дальней стене вела в спальню.

По крайней мере, эти покои, ее убежище, еще оставались при ней. Возможно, она и впала в немилость, но не настолько ужасно, чтобы ее выставили прочь из Халцедонового Чертога бродить в поисках новой обители, подобно тем злосчастным ублюдкам. И уж тем более не настолько ужасно, как Кадогант...

При одной мысли об этом по телу вновь пробежала зябкая дрожь. Расправив плечи, Луна прошла через гостиную к столику у дверей в спальню, на коем стоял хрустальный ларец.

Зная, сколь жалкое зрелище ее ждет, крышку Луна подняла не сразу. Внутри хранились три лакомых кусочка, три ломтика хлеба невесть какой давности, однако для Луны – такого же свежего, как в ту минуту, когда какая-то крестьянская женка выложила ковригу на порог, в дар дивным созданиям. Три ломтика хлеба на случай, если произойдет самое худшее – если Луне велят покинуть Халцедоновый Чертог, удалиться в мир смертных.

Впрочем, надолго эти три ломтика ее не уберегут.

Захлопнув крышку ларца, Луна смежила веки. Нет, этому не бывать. Она найдет способ вернуть себе милость Инвидианы. Возможно, на это понадобятся годы, но, пока суд да дело, достаточно всего лишь не навлечь на себя нового гнева королевы.

И не предоставить Альгресте повода явиться по ее душу.

Пальцы на гладкой поверхности крышки ларца задрожали – возможно, от страха, возможно, от ярости, как знать... Ясно одно: просто сидеть сложа руки и ждать удобного случая нельзя. Так при Халцедоновом Дворе не выживешь. Удобный случай нужно изыскивать, а еще лучше – создать самой.

Вот только как это сделать, будучи столь ограниченной в средствах? Три ломтика хлеба здесь не помогут, а большего Инвидиана опальной придворной не пожалует.

Однако же пищей смертных можно разжиться не только у королевы...

Тут Луну вновь охватили сомнения. Для этого придется покинуть Халцедоновый Чертог – то есть использовать один из оставшихся ломтиков. Либо отправить письмо, что будет еще опаснее. Нет, рисковать нельзя: за пищей придется отправиться лично.

Молясь о том, чтобы щедрость сестер оправдала ее ожидания, Луна вынула из ларца ломтик хлеба и поскорее, дабы не передумать, устремила к дверям.

*Ричмонд, затем Лондон,
18 сентября 1588 г.*

«Так вот она какова, жизнь придворного», – мрачно подумал Девен, неловко накрывая крышкой стульчак.

Казалось, правое плечо состязается с головой, споря о том, что сильнее болит. Накануне вечером новообетенные братья по Отряду благородных пенсионеров учили его искусству теннисной игры в покоях с высокими стенами, возведенными специально для этой цели в саду. Непременная плата за вход заставила внутренне содрогнуться, но, едва оказавшись в стенах теннисного ристалища, он взялся за дело с энтузиазмом, пожалуй, значительно превышавшим меру разумного. За этим последовала выпивка и карты – до поздней ночи, так что Девен почти не помнил, как оказался здесь, в кровати Вавасора, тогда как их слуги улеглись на полу.

Только неотложная надобность в облегчении и заставила Девена подняться, Вавасор же продолжал мирно похрапывать под одеялом. Протирая глаза, Девен поразмыслил, не последовать ли примеру товарища, но не без сожаления решил провести время с большей пользой. Иначе он проспит до полудня, а после его вновь подхватит и закружит хоровод светской жизни, а затем уезжать будет поздно, и посему придется остаться здесь еще на ночь, и так далее, и тому подобное, пока в один прекрасный день он не уползет прочь со двора, окосевшим от пьянства и дочиста разоренным.

Впрочем, проверка кошелька побудила исправить последнее соображение. Судя по вчерашнему везению за карточным столом, возможно, и не разоренным, однако подобными выигрышами жизни при дворе не оплатить. Хансдон был прав: придется влезать в долги.

подавив желание застонать, Девен принялся трясти Питера Колси. Лакей, развлекавшийся накануне в обществе прочих слуг, пребывал едва ли в лучшем виде, чем он, но, к счастью, по утрам был неразговорчив. Поднявшись с матраса, слуга ограничился лишь устрашающим взглядом на туфли обоих, хозяйский дублет и все остальное, имевшее наглость требовать его заботы в столь ранний час.

В это время дня лицо дворца оказалось совсем иным. Вчера утром Девен, целиком поглощенный предстоящей аудиенцией, этого и не заметил, но теперь, пытаясь мало-помалу проснуться, принялся оглядываться по сторонам. По коридорам спешили слуги в королевских ливреях и в ливреях различных знатных семейств. Снаружи донеслось кудахтанье кур и голоса, спорившие о том, кому сколько должно достаться. Затем во дворе загремел конский топот, но вот перестук копыт резко утих: очевидно, то прибыл гонец с известиями. Девен готов был поставить весь свой вчерашний выигрыш на то, что Хансдон и прочие главы Тайного Совета уже на ногах и заняты государственными делами.

Колси принес ему кое-чего съестного на завтрак и вновь удалился – распорядиться седлать коней. Вскоре оба под чрезмерно ярким утренним солнцем отправились в путь.

Первые несколько миль проехали молча. Только остановившись затем, чтоб напоить коней, Девен заговорил:

– Что ж, Колси, сроку нам – до Михайлова дня. Затем я обязан вернуться ко двору, а до того времени мне приказано приодеться получше.

– Выходит, пора мне выучиться чистить бархат, – проворчал Колси.

– Да уж, пора, – согласился Девен, оглаживая шею вороного скакуна, дабы успокоить животное. Конечно, ездить на боевом коне каждый день глупо и неудобно, однако необходимо для поддержания видимости, будто Благородные пенсионеры – все еще военная сила, а не вооруженная банда, в которую волею случая затесался кое-кто из военных. Три коня, двое слуг... Хочешь не хочешь, придется подыскать в помощь Колси еще одного, но даже это обстоятельство не убергло Девена от сердитых взглядов лакея.

После полудня дома, мимо которых лежал их путь, начали ближе и ближе тесниться друг к дружке, сгрудились плотной шеренгой вдоль южного берега Темзы, вытянулись вдоль дороги, ведущей к мосту. У одной из саутуаркских таверн Девен остановился освежиться кружечкой эля, а затем устремил взгляд к небу.

– Что ж, Колси, для начала – Ладгейт. Посмотрим, как быстро мне удастся оттуда выбраться, а?

Колси хватило здравого смысла воздержаться от предсказаний – по крайней мере, вслух.

На Лондонском мосту путь их значительно замедлился: здесь жеребцу Девена приходилось едва ли не протискиваться сквозь толпу, а самому Девену – крепко держать поводья да глядеть в оба. Путники вроде него двигались через мост шаг за шагом, смешиваясь с покупателями из заведений, устроенных вдоль моста: чего доброго, с боевого коня станется кого-нибудь укусить!

Немногим лучше обстояли дела и на том берегу. Смирившись с медленным шагом, конь Девена плелся на запад, вдоль Темз-стрит, пользуясь каждой открывшейся брешью в толпе, а Колси, едва поспевая за ним на своем пегом кобе⁸, сыпал не слишком-то приглушенной руганью. Наконец они прибыли в перестроенные окрестности Блэкфрайерс, к дому и лавке Джона Девена.

---

⁸ Коб – ирландская порода лошадей, отличающаяся средним ростом при широком, массивном телосложении.

Что бы там Колси ни предполагал касательно продолжительности их визита, Девен не сомневался: в гостях придется задержаться. Отец был очень рад известию о его успехе, но, разумеется, одним лишь результатом не удовлетворился: ему захотелось подробно узнать обо всем – от одежд придворных до убранства Приемного зала включительно. Сам он бывал при дворе всего несколько раз, а уж в августейшем присутствии – никогда в жизни.

– Возможно, когда-нибудь я и сам все это увижу, а? – заметил он, лучась беспардонным оптимизмом.

Затем, конечно же, обо всем пожелала услышать и мать Майкла Сусанна, и его кузен Генри, взятый родителями в дом после смерти младшего брата Джона. Надо сказать, сие обернулось к лучшему для всех заинтересованных сторон: Генри занял в семье то самое место, которое иначе пришлось бы занять Майклу – место подмастерья при Джоне под покровительством Почтенной компании торговцев канцелярскими принадлежностями, благодаря чему Майкл оказался волен избрать иной, более многообещающий путь. После этого разговор перешел к деловым материям, ну, а затем, разумеется, сделалось так поздно, что Майкл был вынужден остаться и на ужин.

Тоненький голосок из глубин разума отметил, что это и к лучшему: ужин с отцом не облегчит его кошелек ни на грош. Конечно, когда ты должен кредиторам не один фунт, глупо заботиться о каждом пенни, но вот поди ж ты...

Отужинав и отослав Сусанну с Генри, Девен с отцом уселись у огонька, с чашами изысканной мальвазии в руках. Отсветы пламени великолепно играли на венецианском стекле и красном вине внутри, и это зрелище наполняло душу и тело приятной, расслабленной негой.

– Значит, сын мой, место тебе обеспечено, – с радостным вздохом сказал Джон Девен, вытягивая ноги к огню.

Зловещие слова Елизаветы о судьбе Тилини засели в памяти накрепко, однако отец был прав. Среди Пенсионеров имелось немало «седых бород», и кое-кто из них вряд ли годился хоть для каких-нибудь дел. Если не встречать в откровенные глупости наподобие заговоров да покушений на цареубийство, он сможет остаться в отряде до тех пор, пока сам не пожелает выйти в отставку.

Да, случалось и такое: некоторые уходили. Одних призывали домой семейные заботы, другие разочаровывались в придворной жизни, третьи же растрачивали состояния вместо того, чтоб сколачивать их. Жалованье Пенсионера – семьдесят марок в год... в сем мире это не так-то много, а добиться высот положения, приносящего больше, удастся не всякому.

Но тут отец вмиг изгнал из Девеновой головы все заботы о деньгах – и всего-то одной простой фразой.

– Теперь, – объявил Джон Девен, – пора тебе и жену подыскать.

Не ожидавший этого, Девен только и смог, что рассмеяться.

– Отец, я же едва получил место. Дай мне, по крайней мере, время твердо встать на ноги!

– А вот об этом тебе не меня бы просить. Ты только что застолбил за собой завидное место, рядом с Ее величеством королевой, и ее фрейлины да камеристки начнут гоняться за тобой, как ястребы за цыпленком. Может быть, даже леди.

Действительно, накануне за теннисными матчами наблюдало немало дам. Новый приступ боли в плече заставил задуматься: не выставил ли он себя дурнем окончательно и бесповоротно?

– Несомненно. Однако поспешных шагов предпринимать не стоит – особенно находясь на службе у королевы. Говорят, она очень ревниво относится к своему окружению и скандального поведения придворных не терпит.

Очень ему нужно угодить в Тауэр из-за того, что одна из фрейлин от него понесла! Разумеется, лучше всего привлечь взор самой королевы, но Девен, пусть и был амбициозен, и понимал, что королевская симпатия – кратчайший путь к награде, отнюдь не желал состязаться

за расположение Елизаветы с особами вроде юного графа Эссекса. Подобное соперничество живо приведет к ситуации, в которой ему не уцелеть.

– Женидьба – вовсе не скандал, – возразил отец. – Конечно, заботься о своем благонаравии, но и в стороне от девиц не держись. Придворный брак может принести немало выгод.

Похоже, отцу было угодно развивать сей разговор и далее. Пришлось уклониться от него, прибегнув к хитрости.

– Если дело пойдет, как задумано, я буду всецело занят вдали от двора.

В уголках отцовского рта пролегли мрачные морщины.

– Так, значит, ты говорил с Уолсингемом?

– Нет. Его не случилось при дворе. Но при первой возможности поговорю.

От покойной расслабленной неги не осталось и следа.

– Остерегись соваться в такие вещи, – посоветовал отец. – Он служит благородной цели, но не всегда благородными средствами.

Об этом Девен прекрасно знал и сам: подобной работой – хоть, спору нет, и не самой грязной – ему уже довелось заниматься в Нижних Землях.

– Отец, Уолсингем для меня – самый надежный путь к продвижению по службе. Даю слово: я не растеряюсь.

Этим его отцу и пришлось удовольствоваться.

*Лондон, затем Ислингтон,
18 сентября 1588 г.*

Покинуть Халцедоновый Чертог было не так просто, как Луна могла бы надеяться. Если она уйдет сразу же после приговора, вынесенного Инвидианой Кадоганту, кто-нибудь в лабиринтах придворной политики – да хоть тот же Видар – непременно отыщет в ее уходе повод для подозрений.

Посему Луна какое-то время бродила в пределах Халцедонового Чертога, распугивая сторонящихся ее дивных. Простейший способ убить время: конечно, подземный дворец фей и эльфов был не столь велик, как город наверху, но намного превосходил размерами любое строение на поверхности. Здесь коридоры играли роль улиц, ведущих к хитросплетениям покоев, отведенных под разные надобности.

В одном из просторных залов с колоннами она снова наткнулась на Орфея, на сей раз игравшего какой-то танец. Под дружное хлопанье собравшихся вокруг него дивных один из их числа кружил в бешеной пляске партнершу. Остановившись у стены, Луна полюбовалась лабберкином⁹, все быстрее и быстрее увлекавшим за собой несчастную, спотыкающуюся человеческую девицу. Смертная казалась вполне здоровой, хоть и изрядно изнуренной – очевидно, это какая-нибудь служанка, завлеченная в Халцедоновый Чертог ради непродолжительной забавы, а значит, в конце концов она будет возвращена на поверхность, совершенно сбитая с толку и напрочь лишенная сил. Те, кто, подобно Орфею, оставался здесь надолго, приобретали особый, неземной, обреченный вид, коего у девчонки пока что не наблюдалось.

Всеобщее внимание было приковано к танцу. Никем не замеченная, Луна проскользнула через зал и скрылась в дверях с другой стороны.

Путь она избрала окольный, кружной – не только затем, чтоб отвести глаза всякому, кто ее видит, но и по необходимости: напрямиком в нужное место попросту нельзя было пройти. Халцедоновый Чертог смыкался с наземным миром во множестве мест, но друг с другом места эти не совпадали: два входа, на поверхности разделенные половиной города, внизу могли располагаться бок о бок, в двух шагах. То было одной из причин, вселявших в посторонних страх

---

⁹ Лабберкин (*англ.* – lubberkin) – то же, что брауни, дух-хранитель домашнего очага, домовый.

перед волшебным царством: единожды оказавшись внутри, можешь никогда в жизни не сыскать пути обратно.

Но Луна дорогу знала. Вскоре она вошла в небольшую безлюдную пещеру, где каменные стены дворца уступали место кружевам корней, ниспадающих с потолка.

Остановившись под их пологом, она сделала глубокий вдох и сосредоточилась.

Мягкие складки сапфирового, точно ночной небосвод, платья разгладились, обратившись простеньким синим сукном. Самоцветы, украшавшие платье, исчезли, вырез декольте сомкнулся, завершившись стоячим гофрированным воротником и чепцом, прикрывшим голову. Труднее пришлось с собственным телом: тут следовало со всем тщанием иссушить и обветрить кожу, волосы из серебряных сделать невзрачно-русыми, а сияющие серебром глаза наполнить жизнерадостной синевой. Искушенные в превращениях дивные знали: главное – внимание к мелким деталям. Не оставляй неизменным ничего, да прибавь кой-какие штришки – родинку там, оспинку сям – и вполне сойдешь за обычного человека.

Однако созданием иллюзии самой по себе дело вовсе не ограничивалось. Сунув руку в поясной кошель, Луна вынула ломтик хлеба – того самого, из ларца.

Грубо смолотый ячмень застревал меж зубов; чтоб проглотить все, пришлось постараться. В качестве пищи сей хлеб заслуживал лишь презрения, но действовал исправно, а потому и ценился дороже золота. Покончив с последней крошкой, Луна подняла руку и погладила ближайший корень.

С негромким шорохом корни, словно щупальца, сомкнулись вокруг и повлекли ее наверх.

Наружу она вышла из ствола черной ольхи, стоявшей на Сент-Мартинс-лейн, в каком-то броске камня от зданий, облепивших городскую стену и огромную арку ворот Олдерсгейт, точно грибы-трутовики. К ее удивлению, наверху было раннее утро. Конечно, Халцедоновый Чертог не пребывал вне времени мира людей, подобно отдаленным волшебным землям (сие обстоятельство весьма затруднило бы любимые игры Инвидианы), однако забыть о течении дней там было проще простого.

Поправив чепец, Луна отступила от дерева. Ее появления из ствола ольхи никто вокруг не заметил. То был последний предел Халцедонового Чертога, граница волшебства, укрывавшего подземный дворец, простиравшийся внизу, под ногами смертных, а вместе с дворцом – и всех входящих и выходящих, но, стоило лишь отойти от входа, защитные чары заканчивались.

Словно затем, чтоб лишний раз напомнить о времени, над муравейником Лондона разнесся звон колоколов Собора Святого Павла. Даже почувствовав, как волны звука омывают ее, не причиняя никакого вреда, Луна не смогла сдержать легкого содрогания. Да, прежде она проделывала все это множество раз, однако ж первое испытание защитных чар неизменно внушало тревогу.

Но нет, ей ничто не грозило. Подкрепленное пищей смертных, волшебство устояло под натиском человеческих верований, и под его защитой Луна могла разгуливать среди людей, не опасаясь раскрыть свое истинное лицо.

Обжившись в иллюзорном обличье, Луна двинулась в путь, быстрым шагом вышла за ворота и покинула Лондон.

Утро выдалось солнечным, а свежий ветерок овеивал щеки приятной прохладой. Вскоре шеренги домов, тесно обступивших дорогу, сделались реже, однако движение оставалось весьма оживленным: и в город, и из города текли бесконечные реки провизии, путников и товаров. Ненасытная тварь, Лондон поглощал куда более, чем изрыгал, а в последние годы он принялся пожирать пригороды. Следуя своим путем, Луна неустанно дивилась на толпы народу, переполнившие пределы древних городских стен, хлынувшие наружу и пустившие корни на некогда зеленых просторах полей. Смертные, точно муравьи, возводили огромные муравей-

ники, где жили сотнями, тысячами, а после умирали, да так скоро, что и глазом моргнуть не успеешь.

Но, стоило прошагать около мили, и все вокруг изменилось. Лондонский шум стих за спиной, а впереди, за полями, укрытыми зеленью всходов, показались усадьбы и вековые тенистые деревья пригородной деревеньки под названием Ислингтон. Близ обочины Великой Северной дороги дружелюбно, приветливо высилось здание постоянного двора «У ангела».

В заведении оказалось довольно людно. Проезжие и их слуги так и сновали через двор, отделявший дом от конюшен, но это лишь облегчало Луне задачу: если вокруг столько народу, особого внимания на вновь прибывшую никто не обратит. Миновав парадное крыльцо, она направилась на задний двор. Здесь, на склоне холма, царил колоссальный розовый куст, густое переплетение шипастых ветвей, к коему и мужественнейший из садовников не отважится подступить с ножницами.

Здесь тоже имелись свои защитные чары. Вокруг не было никого, а значит, никто и не смог бы увидеть, как Луна, приподняв на ладони припозднившуюся розу, прошептала ее лепесткам свое имя.

Подобно корням той ольхи в Лондоне, колючие ветви зашевелились и с шорохом раздались в стороны, образовав перед Луной арчатый проем, усыпанный звездами желтых роз. Внутри виднелись дощатые, отполированные множеством ног ступени, ведущие вниз, под землю. Лестницу озаряло неяркое, теплое сияние волшебных огней. Луна двинулась вниз, и ветви розового куста сомкнулись за ее спиной.

Нет, звук ее имени не отворял куста: назвавшись, она лишь предупредила обитателей о своем приходе. Однако гостей здесь редко заставляли ждать – хоть снаружи, хоть внутри. К тому времени, как Луна спустилась вниз, ее уже встречали.

– Добро пожаловать к «Ангелу», миледи, – сказала Гертруда Медовар, с лучезарной улыбкой на круглом лице присев перед гостьей в реверансе. – Всегда рады вас видеть. Входите, прошу вас, прошу!

Несомненно, сестры Медовар столь же дружелюбно приветствовали всякого, переступавшего их порог (а многие из придворных, несомненно, втайне от всех переступали его), однако усомниться в искренности приветствия Луне и в голову не пришло. Гостеприимство у сестер было в крови. Происходили они с севера, из брауни, домовых Приграничья, и нотки северного выговора звучали в голосе Гертруды по сей день, однако на постоялом дворе «У ангела» служили со дня постройки, а до того, по-видимому, обитали при другой гостинице, и так – с незапамятных времен. Многие из домовых были существами замкнутыми, нелюдимыми, навеки связавшими судьбу с одним-единственным смертным семейством и безучастными ко всем остальным, но сестрам Медовар определенно нравилось оказывать гостеприимство незнакомцам.

В тепле и уюте домика брауни чувство тревоги, не отпускавшее Луну который день кряду, растаяло без следа.

Луна покорно позволила Гертруде увести себя в тесноватую, но очень мило обставленную комнатку и усадить на мягкую скамейку у небольшого стола. Хозяйка захлопотала, умчалась прочь и вскоре, шурша расшитыми юбками, без всяких просьб поставила перед Луной кружку меда. Разумеется, именно этого Луне сейчас и хотелось больше всего на свете. Возможно, таланты брауни и не выходили за рамки обыденного, но во всем, что касалось создания уюта, им просто не было равных.

По крайней мере, одной из них. Луна открыла было рот, чтобы спросить, где же сестра Гертруды, но в тот же миг с лестницы донеслись шаги. Не прошло и минуты, как нужда в вопросе отпала сама собой: в комнату вошла Розамунда, одетая в точно такое же домотканое платье, как у Гертруды, если не принимать в счет роз, вышитых на ее переднике вместо маргариток. Ее улыбчивое круглое лицо также повторяло лицо сестры, точно отражение в зеркале.

Однако за нею следовали те, кому было не до улыбок. Осунувшегося, отощавшего домашнего Луна узнала немедля, остальных же узнать оказалось сложнее: когда она видела их в последний раз, все они только и делали, что лежали ниц на мраморном полу Халцедонового Чертога.

Гертруда сочувственно охнула и поспешила навстречу. На миг комната от стены до стены заполнилась домовыми, паками и стройными нимфами со скорбными лицами, которых Луна при первой встрече и не заметила. Но ни одна из брауни не пришла в замешательство и не заставила гостей долго ждать на ногах: в скором времени нескольких из пришельцев усадили за столы, поставив перед ними тарелки со свежим, только что из печи, хлебом да острым рассыпчатым сыром, а самых усталых выпроводили в другую дверь и уложили почивать.

Луна молчала, сомкнув пальцы вокруг кружки с медом. Прежнее ощущение уюта исчезло, как не бывало. От иллюзорного облика смертной она избавилась (странно было бы поддерживать его и здесь, под крышей – все равно, что сидеть за столом в дорожном плаще), но съеденный ломтик человеческого хлеба до сих пор сообщал ей неуязвимость к звону церковных колоколов, лошадиным подковам из хладного железа и прочим амулетам и чарам, направленным против духов. Как беглецы сумели добраться до «Ангела» от Халцедонового Чертога, она даже не подозревала, но полагала, что им пришлось нелегко. Хотя... ведь Розамунда тоже наверняка побывала там, при дворе! Следовало бы ей, Луне, приглядеться к толпе повнимательнее.

Между тем Гертруда отнюдь не забыла о госте. Не прошло и нескольких минут, как в комнату хлынул аромат жареной крольчатины, и Луне подали угощение, как и всем остальным. Еда оказалась проста до обыденности и чудо как хороша. За этим столом несложно было вообразить себе смертных, питающихся тем же самым, ну, а изысканные придворные банкеты казались попросту вычурными излишествами.

«Возможно, за этим-то я сюда и пришла, – подумала Луна. – Чтобы взглянуть на собственные перспективы».

А так ли уж это скверно – покинуть двор, уйти, да зажить простой, незатейливой жизнью за пределами Лондона?

Разумеется, это намного проще. Там, за городом, в защите от хитростей смертных надобности куда меньше. Крестьяне время от времени видят дивных, рассказывают сказки о встречах с черными псами да гоблинами, но никто не поднимает из-за этого шума. Ну, разве что изредка. Обычно просто стараются избавиться от созданий, приносящих слишком много вреда. К тому же, там и до интриг Халцедонового Двора далеко...

Вихрастый дух, сидящий рядом на скамье, шумно потянул носом воздух, принюхиваясь к своему хлебу.

В каких бы далях ни обитали эти сельские дивные, от Инвидианы их это не спасло.

Нет, покидать Лондон нельзя. Оказаться во власти волн придворной политики, но не в силах на них повлиять...

Имелся, разумеется, и еще один выход. Через границу сумерек, отрадными путями, ведущими не на Небеса и не в Пекло, но в глубину Царства фей, куда не достигнет власть и влияние Инвидианы. Однако немногие из смертных забредают так далеко, а людей, несмотря на всю их опасность для дивных, Луна не бросит. Короткие, но яркие жизни и пламенные страсти смертных восхищали ее до глубины души.

Тут Розамунда, бормоча что-то о ванне и мягких перинах, начала выпроваживать из-за столов и остальных. Едва вихрастый дух освободил скамью рядом с Луной, на его место уселась Гертруда.

– Ну, а теперь, сударыня, вы уж простите меня за все это. Бедняги вон как оголодали – одна кожа да кости! С чем же вы к нам пожаловали? Просто перекусить да подышать животворным сельским воздухом?

Румяные, точно яблоки, щеки Гертруды и дружеская предупредительность ее улыбки заставили забыть обо всякой сдержанности и отрицательно покачать головой. Бодрое оживление Гертруды разом сменилось тревогой.

– Вот тебе и на... Рассказывайте-ка все, как есть.

Делиться своими горестями Луна вовсе не собиралась, но, может быть, и напрасно: как попросить о помощи, хотя бы отчасти не объяснив, отчего в ней нуждаешься? Вдобавок, сестры Медовар политикой не интересовались отроду. Возможно, только они одни из окрестных дивных еще не знали о ее опале.

– Я при дворе в немилости, – призналась Луна, стараясь говорить так, точно это – сущий пустяк. Действительно, порой в опале не было ничего страшного: если бы всякого, навлекшего на себя гнев Инвидианы, ждала участь Кадоганта, при дворе давно не осталось бы ни души. Однако сейчас Луна ходила по лезвию ножа, а в подобном положении всегда не по себе.

– Так значит, королева на вас гневается? – сочувственно охнула Гертруда.

– И не без причины, – подтвердила Луна. – Вы ведь слышите разговоры на постоялом дворе у смертных, не так ли?

– Время от времени, – невинно улыбнулась брауни.

– Тогда тебе известно, что они опасаются вторжения испанцев и лишь недавно разбили Великую армаду.

– О да, об этом мы слышали! Великие морские баталии или что-то подобное...

Луна кивнула, устремив взгляд в тарелку с остатками крольчатины.

– Великие баталии, да. Но перед ними и после – еще и великие штормы. Обошедшиеся нам слишком дорого.

Подробности она изложила одной только Инвидиане и повторять их не собиралась – это только разгневало бы королеву сильнее прежнего, – однако в общих чертах рассказать Гертруде свою историю вполне могла.

– Я была послана Инвидианой на переговоры с морским народом, но оказалась скверной посланницей. Обещанными мною уступками королева весьма недовольна.

– Ну и ну, – задумчиво протянула Гертруда. – Но что ж тут такого ужасного? Не хочется же ей, чтоб нас завоевали! Выходит, дело того стоило?

Заставив тревожно поджатые губы сложиться в улыбку, Луна отодвинула деревянное блюдо.

– Не нужно тебе вникать в подобные вещи. Не стоит. Ваш постоянный двор – тихая гавань вдали от двора и тенет придворной политики, так пусть же он и останется ею во веки веков.

– Ваша правда, – благодушно согласилась брауни, разглаживая передник пухлыми, но жесткими от мозолей ладонями. – Что ж, все хорошо, что хорошо кончается. Гадкая испанская солдатня к «Ангелу» не ворвется, а вы, я уверена, вскоре сумеете вернуть себе благоволение Ее величества. У вас, миледи, к этому настоящий талант!

Ее слова заставили Луну вспомнить об изначальной цели.

– Я сомневалась, стоит ли обращаться к тебе с этой просьбой, – призналась она, покосившись на дверь, за которой скрылся последний из беженцев. – Теперь у вас с Розамундой и без того будет много забот – по крайней мере, пока их всех не поселят где-то еще. Чудо, что Розамунде удалось благополучно привести их сюда...

Ее колебания возымели нужный эффект.

– О, всего-то навсего?! – пренебрежительно воскликнула Гертруда, вскакивая на ноги.

В следующий же миг она сунула в руки Луны целую краюху хлеба, почти такого же, как тот, что подавали сестры Медовар, однако любой из дивных отличил бы один от другого с первого прикосновения: принадлежность к миру смертных имела осязаемый вес.

Стоило глянуть на эту краюху, и Луной овладело смутное чувство вины. Служанки-подавальщицы из «Ангела» исправно выставляли на крыльцо молоко и хлеб. Об этом знали все, и

Инвидиана облагала сестер соответствующей подастью, как и многих из сельских дивных. Крестьяне приносили пищу в дар малому народцу куда чаще горожан, однако сильнее всего в ней нуждались как раз в большом городе. Да, в Халцедоновый Чертог не проникал ни колокольный звон, ни прочие подобные напасти, но выходить на улицы, не подкрепившись бренным хлебом, означало непременно попасть в беду.

Таким образом, без хлеба Луне было не обойтись. Но в нем нуждались и сами сестры Медовар, не говоря уж о вверенных их попечению гостях.

– Берите же, берите, – негромко сказала Гертруда, смыкая пальцы Луны на краяхе. – Уверена: уж вы-то распорядитесь им с пользой.

– Спасибо, – ответила Луна, гоня прочь чувство вины. – Твоей щедрости я не забуду.

Воспоминания: май-август 1588 г.

Во всех деревнях и городишках вдоль побережья Англии ждали факелов груды дров, а люди взирали на горизонт в ожидании рока, что вот-вот явится по их души.

Тем временем в переполненной гавани Лиссабона ждал приказаний поднять паруса и, во имя Господа и короля Филиппа, низвергнуть в прах королеву еретиков огромный флот – *Grande y Felicísima Armada*¹⁰.

А в разделявших их водах бушевали, кипели шторма, насылавшие на оба берега Ла-Манша проливные дожди и ураганные ветры.

В рассказах и слухах величие испанской Армады достигало невероятных высот. На деле же пять сотен могучих кораблей, которые повезут к берегу Англии несокрушимую армию, тогда как трюмы их битком набиты орудиями пыток да тысячами католических кормилиц для английских младенцев, что неизбежно останутся сиротами после поголовного истребления их родителей, были всего лишь ста тридцатью судами различной степени готовности к плаванию, укомплектованными лиссабонским отребьем, часть коего в жизни не бывала в море, под командованием человека, неопытного в морских делах, назначенного на сей пост всего пару месяцев тому назад. Неудивительно, что орудие Господа, обращенное против еретиков, изрядно при-тупили болезни и бесчинства этого английского разбойника, сэра Фрэнсиса Дрейка!

Однако худшее было еще впереди.

В этот тишайший месяц года, когда все опытные мореплаватели уверяли герцога Медина-Сидония, будто волны вот-вот успокоятся, а ветры подуют в сторону Англии, штормы не утихли – напротив, усилились пуще прежнего. Жуткие шквалы гнали суда назад, а самые хлипкие, не отличавшиеся высокими мореходными качествами, вовсе уносили прочь. Толстобрюхие «купцы» и средиземноморские галеры, не приспособленные к тяготам открытого моря, неповоротливые грузовые суда, замедлявшие движение всего флота... что говорить, Великая и славнейшая, Непобедимая армада являла собою поистине жалкое зрелище.

Задержки сожрали остаток мая, весь июнь флот попусту гнил в гавани Ла-Корунья, где среди команд начались голод и болезни: большая часть провианта, хранившегося в бочках из сырой древесины, оказалась испорчена. Вот когда командование флота отыскивало немало новых проклятий в адрес безбожного Дрейка, сжегшего весь запас выдержанных бочарных клепок в прошлом году!

В июле Армада, послушная воле Господа, вновь снялась с якорей.

Над мачтами реяли белые флаги с красными крестами. На знамени корабля герцога Медина-Сидония красовалась Пресвятая Богородица, распятый Христос и девиз: «*Exsurge, Domine, et judica causam tuam!*»¹¹, монахи молились дни напролет, и даже матросам настрого запретили поминать имя Господа всуе.

---

¹⁰ Великая и славнейшая армада (исп.).

¹¹ «Восстань же, Господи, и суди Твое дело!» (лат.) – цитата из папской буллы, осуждающей деятельность Мартина Лютера

Увы, все эти старания пропали втуне.

Вдоль английского берега вспыхнули сигнальные костры: прибытие испанцев не осталось незамеченным. Ветер благоприятствовал англичанам. Благоприятствовали им и пушки: изящные английские корабли, старательно избегая абордажных схваток, плясали вокруг злосчастного врага, лупя по испанцам из длинноствольных орудий, однако оставаясь вне досягаемости испанских ядер. Точно псы, терзающие посаженного на цепь кабана, англичане преследовали Армаду до побережья Шотландии, а между тем беспощадному буйству штормов не видно было конца.

Шторма, шторма, шторма на каждом шагу!

Шторма трепали их и у Оркнейских островов, и близ берегов Ирландии, пока Армада с трудом, из последних сил ползла к дому. Из Лиссабона в Канал, вокруг всех островов Англии, Шотландии и Ирландии – куда бы ни взял курс флот, гнев моря и неба преследовал его всюду.

Мрущие от скорбута и тифа, обезумевшие от голода и жажды, матросы кричали что-то о лицах в воде и голосах в небе. Да, Господь был на их стороне, но море – против. От веку изменчивое, капризное, оно обратило к ним свой неумолимый лик, и все молитвы монахов не могли склонить его сменить гнев на милость.

А все из-за соглашения, из-за сделки, заключенной в чудесных подводных палатах, известных на суше лишь по сказкам подвыпивших моряков. Море повиновалось иным, неподвластным человеку силам, и силы эти, всегда равнодушные к людским страданиям, согласились, вопреки обычному беспристрастному нейтралитету, сыграть на стороне Англии.

Оттого небеса и разверзлись по их повелению, пока в воде, вокруг тонущих кораблей, без труда скользили, плясали на волнах странные существа, манявшие людей за борт и увлекавшие их на дно. Многие – вспухшие, тронутые гнилью – вскоре были выброшены на берег Ирландии, но кое-кого подводные создания оставили при себе, для будущих увеселений. Трудно сказать, кому посчастливилось меньше – погибшим или же пощаженным.

В Испании, преждевременно торжествовавшей победу, звонили колокола, а Его Святейшее величество ожидал новостей о своей святейшей затее.

Тем временем в Англии королева еретиков, получая донесения от Дрейка и лорд-адмирала, воодушевляла народ речами об английском героизме.

Тем временем сквозь бурные воды Атлантики ковыляли домой остатки Великой армады, потерявшей захваченными либо потопленными половину кораблей, а с ними и все надежды Испании на покорение Англии.

***Халцедоновый Чертог, Лондон,
18 сентября 1588 г.***

В тот самый миг, как ствол черной ольхи сомкнулся за спиной, обличье смертной пало с плеч, точно сброшенный плащ, и Луна поспешила поглубже упрятать краюху хлеба в складках юбок. Да, те, кто захочет, вскоре узнают о ней и о том, откуда она взята, однако Луна спрячет добычу как можно надежнее. Прознай о хлебе придворные рангом пониже, и на пороге, в надежде вымолить хоть крошечку, соберется целая толпа.

Однако кое-кто мог учуять его запах: некоторые из дивных обладали отменным нюхом на брэнное. Посему Луна поспешила к себе и первым делом, едва затворив за собою дверь, сунула хлеб в хрустальный ларец.

Надежно спрятав сокровище, она опустила руки на инкрустированную столешницу и обвела кончиком пальца контур рисунка – изображения смертного, преклонившего колени у подножия башни. Отчего-то художник предпочел изобразить величественное здание лишь

частично, оставив зрителей гадать, какая из фей пленила сердце героя и ответила ли она на его чувства взаимностью.

Случалось порой и такое: отнюдь не все дивные обращались со смертными, точно с игрушками. Некоторые, наподобие домовых, верно служили людям. Другие дарили вдохновение поэтам и музыкантам. А кое-кто даже мог полюбить человека со всею неумирающей страстью дивного сердца – нечасто встречающейся, но оттого еще более сильной.

Однако в эту минуту Луне было совсем не до смертных – ну, разве что они смогут открыть ей путь к благоволению Инвидианы.

Опустившись на табурет, укрытый расшитой подушкой, она аккуратно, задумчиво принялась вынимать из волос драгоценные булавки и по одной выкладывать их на стол – сообразно течению мыслей.

Первая из булавок сверкала искрами звездного света, едва не нарушая границ дозволенного опальным придворным. «Дар», – подумала Луна. Редкая драгоценность дивных, прирученный смертный, или же ценные сведения. Нечто такое, что королева оценит. Простейший путь к милости вышестоящих – не только среди фей и эльфов, но и среди людей. Трудность состояла в том, что дары сыпались к ногам королевы дождем, и лишь немногие выделялись из общего ряда настолько, чтобы привлечь ее интерес.

Вторая булавка. Венчавшую ее головку украшали камешки цвета индиго – так называемые «морские сердечки». Увидев это, Луна судорожно стиснула пальцы: ко двору она одевалась в великой спешке и совершенно не обратила внимания на выбор булавок для закалывания волос. Заметил ли ее Видар? Счастье, если нет! Утратить расположение королевы из-за катастрофической сделки с морским народом – дело скверное, а уж носить в волосах дар обитателей глубин посланнице Халцедонового Двора – сквернее некуда.

Заметь это кавалерственная дама Альгреста – быть бы Луне изувеченной, а то и убитой.

Выложив булавку на стол, Луна заставила мысли вернуться к делу. Если не дар, то что? Возможно, устранение некоего препятствия? Победа над врагом? Но над кем? После казни смертной королевы скоттов посланник Дворов Севера в гневе покинул Халцедоновый Чертог, приписав ее гибель козням Инвидианы. Да, врагов в сей коалиции Благих и Неблагих монархов хватает – взять хоть дворы Чертополоха, и Вереска, и Можжевельника... однако, чтоб выступить против них, придется самой отправиться туда – в долгое, трудное путешествие, в конце коего ее не ждут ни союзники, ни другие средства достижения цели.

Что же до прочих врагов... Нет, заступить путь Дикой Охоте и остаться в живых глупо даже надеяться.

Со вздохом Луна вынула из волос третью булавку.

Серебряные локоны рассыпались по плечам, оставшиеся булавки со звоном попадали на пол, но Луна оставила их лежать, где лежат, и задумчиво смерила взглядом ту, что держала в руках, увенчанную снежинкой. Преподнести королеве желанный дар, либо избавить ее от помех на пути к исполнению желания... Что же еще?

Забава. Разумеется, королева холодна, жестока и бессердечна, однако ее можно развлечь. Особой ее любовью пользуются шутки, которые в то же время служат какой-то практической цели. Но даже без этого, развеселить королеву...

Да. Как ни тонка сия нить, больше цепляться не за что.

Повертев в пальцах увенчанную снежинкой булавку, Луна досадливо поджала губы. В общих чертах возможности ее были довольно очевидны. Самое сложное – перейти от замыслов к делу. Все, что ни приходило в голову, выглядело откровенно слабым, слишком уж слабым, чтоб принести ощутимую выгоду, а на большее не доставало средств. Вот он, тупик, порочный круг придворной жизни: у тех, кто в фаворе, больше возможностей добиться монаршей благосклонности, те же, кто впал в немилость, нередко обречены скатываться по крутой спирали неуклонно убывающей удачи все ниже и ниже.

Нет, это не для нее!

Попробовав пальцем острые блестящие грани снежинки, Луна встряхнулась и собралась с мыслями. Как же улучшить свое положение при Халцедоновом Дворе?

– Отыщи Фрэнсиса Мерримэна.

Луна немедля вскочила на ноги. Булавка со снежинкой в ее руке обернулась тонким кинжалом. Ее личные покои были защищены от вторжений (предосторожность, вполне обычная для Халцедонового Двора), и проникнуть сквозь эту защиту решился бы лишь тот, кто пришел с дурными намерениями.

За исключением одной только хрупкой фигуры, застывшей в тени.

– Тиресий...

Луна облегченно вздохнула, ослабила пальцы на рукояти, однако кинжал убирать не спешила.

Тиресий часто забредал куда не следует, и даже туда, куда никак не сумел бы попасть. Сейчас он сидел в уголке, обхватив тонкими руками подтянутые к подбородку колени. Казалось, его бледный, одухотворенный лик парит в темноте над полом.

Смертных игрушек Инвидианы Луна избегала по множеству разных причин: Орфея – из опасений поддаться воздействию его музыки, Эвридики – из-за населенных множеством призраков глаз, Ахилла – из-за неукротимой страсти к кровопролитию, которую только одной королеве и удавалось держать в узде. Тиресий – дело иное. Дара, в честь коего он получил свое имя, Луна не опасалась. Порой она сомневалась, что даже Инвидиана в силах понять, что из его видений – правда, а что – лишь порождение безумного воображения.

Хотя нет, именно его безумие и заставляло призадуматься.

По слухам, он был куда старше прочих игрушек королевы и прожил дольше, чем кто-либо другой. Ахиллы умирали так часто, что один из кратчайших путей к пусть недолгому, но благоволению Инвидианы состоял в том, чтоб отыскать еще одного смертного, благословленного исключительной яростью в битве, и привести его ко двору. Инвидиана постоянно стравливала очередного носителя сего имени то с одним, то с другим противником – просто затем, чтобы развеять вечернюю скуку. Дрались они все на славу и – рано ли, поздно – гибли кровавой смертью.

И редко доживали до того, чтоб претерпеть воздействие Халцедонового Чертога.

Тиресий же – дожил. И заплатил за это немалую цену.

Внезапность движения Луны заставила его съежиться, зажмуриться от страха, однако теперь он поднял на нее испытующий взгляд.

– Ты настоящая? – прошептал он.

Этот вопрос он, утратив способность отличать реальность от собственных иллюзий, задавал непрестанно – к немалому развлечению самых жестоких из дивных. Луна вздохнула, позволила кинжалу вновь обратиться булавкой и положила ее на стол.

– Да. А тебе, Тиресий, здесь вовсе не место.

Тиресий еще глубже вжался в темный угол, точно мог слиться со стеной и пройти ее насквозь. Возможно, и в самом деле мог – иначе как бы еще проникал в самые неожиданные места?

– Здесь? Все это – не более, чем тень. Мы вовсе не здесь. Мы в Аду.

Отойдя от столика, Луна заметила, что его взгляд прикован к ларцу за ее спиной. Но пара ломтиков хлеба смертных не стерла бы с его души клейма фей: пожалуй, после стольких-то лет в Халцедоновом Чертоге тут не помогло бы ничто на свете. Не рассыплется ли он в прах, выйдя наружу? Однако порой Тиресий жаждал брэнной пищи, а Луне отнюдь не хотелось, чтоб он помышлял о добытом ею хлебе.

– Ступай назад, к госпоже. Мне не до твоих причуд.

Тиресий поднялся, и на какой-то миг ей показалось, что он послушается. Но побрел он куда-то не туда – не к двери и не к ларцу. На спине его траурно-черного дублета зияла прореха, треугольный клочок ткани трепетал в воздухе, точно крохотный призрак крыла. Луна открыла было рот, чтобы вновь приказать ему убираться прочь, но тут же остановилась: ведь поначалу он завел речь о чем-то странном, в испуге оставленном ею без внимания.

Медленно, дабы не напугать Тиресия, Луна приблизилась к нему со спины. Он оставался бы худошав, даже живя жизнью обычного человека, а уж житье среди малого народца сделало его эфемерным, словно бесплотный дух. Интересно, долго ли он еще протянет? Да, смертный вполне мог прожить среди дивных и сто лет, и даже больше, но только не в Халцедоновом Чертоге. Только не под властью Инвидианы.

Сняв в пальцах край гобелена, Тиресий глядел на него, словно видел перед собою вовсе не заливаемые водами берега легендарного Лайонесса, а что-то совсем иное.

– Ты называл чье-то имя, – сказала Луна. – Предлагал мне кого-то найти.

Кончик бледного пальца скользнул вдоль стежков, изображавших лунный луч, что озарял заливаемую водой башню.

– Кой-кто ошибся, и все ушло в глубину. По-твоему, не так? Но нет, ошибки были сделаны после. Потому что они не понимали...

Столько внимания с его стороны – еще немного, и ей покажется, будто ее здесь нет вовсе!

– Лайонесс давным-давно канул в море, – с усталым терпением откликнулась Луна. – Имя, Тиресий, имя? Кого ты предлагал отыскать? Фрэнсиса Мерримэна?

Тиресий обернулся и устремил взгляд сапфировых глаз на нее. Зрачки его были крохотны, точно под ярким светом, но затем расширились так, что закрыли собою всю синеву.

– Кто это?

Невинный тон вопроса привел Луну в бешенство. Стоило ей отвлечься, как Тиресий проскользнул мимо, но далеко не ушел. Остановившись посреди комнаты, он потянулся к какому-то незримому образу впереди. Луна медленно перевела дух. Фрэнсис Мерримэн – имя смертного. Придворный? Учитывая политические игры Инвидианы, вполне возможно. Правда, Луна такого не знала, но ведь они приходят и уходят, не успеешь и глазом моргнуть.

– Где его можно найти? – как можно мягче спросила она. – Где ты его видел? В грезах? Во сне?

Тиресий отчаянно замотал головой, взъерошил обеими пятернями черную шевелюру, приведя волосы в полный беспорядок.

– Я не вижу снов. Я не вижу снов. Пожалуйста, не проси меня грезить.

Нетрудно вообразить, какие кошмары шлет ему Инвидиана ради забавы!

– Не бойся, я не причиню тебе зла. Скажи, зачем мне его искать?

– Он знает, – хрипло прошептал Тиресий. – Он знает, что она сделала.

Сердце в груди застучало чаще. Секреты... да ведь они стоят дороже золота! Вот только кого бы Тиресий мог иметь в виду?

– Она? Одна из придворных дам? Или... – У Луны перехватило дыхание. – Или Инвидиана?

Ответом ее подозрениям был горький, язвительный смех.

– Нет. Нет, не Инвидиана, неважно все это. Ты что же, вовсе меня не слушаешь?

Не без труда подавила Луна желание ответить, что непременно начнет его слушать, как только он скажет хоть что-нибудь осмысленное. Не сводя глаз с напряженного, окаменевшего лица провидца, она прибегла к иной тактике:

– Хорошо, я поищу этого Фрэнсиса Мерримэна. Но вот, допустим, я нашла его – и что дальше?

Медленно, мускул за мускулом, тело Тиресия сбросило напряжение, руки его бессильно повисли вдоль тела. Когда же он, наконец, заговорил, его голос зазвучал так ясно, что Луне на

миг показалось, будто на него снизошло одно из нечастых просветлений. Всего на миг... пока она не вслушалась в слова.

– О, станьте же недвижны, звезды неба... – На губах провидца заиграла страдальческая улыбка. – Время остановилось. Замерзло, застыло льдом, и нет в мире крови сердца, чтоб вновь пробудить его к жизни. Я же сказал тебе: мы – в Аду.

Возможно, во всем этом изначально не было ни малейшего смысла. Возможно, возложив слишком много надежд на болтовню безумца, Луна пустится в погоню за иллюзией. Не все, что он говорит, порождено видениями...

Но это было единственной хоть кем-то предложенной возможностью, и других, вероятнее всего, не последует. В ином случае остается только надежда выторговать полезные сведения в обмен на раздобытый хлеб. Он может пригодиться многим из придворных, ведущим свои игры в наземном мире.

Ну, а торгуясь, она порасспросит и об этом Фрэнсисе Мерримэне. Но втайне, дабы не раскрыть своих козырей перед королевой. Неожиданность может значить очень и очень много.

– Тебе следует уйти, – пробормотала она.

Провидец рассеянно кивнул. Казалось, он уже забыл, где находится и для чего. Отвернувшись, он двинулся прочь, а Луна, затворив за ним двери, вернулась к столу и собрала с пола россыпь булавок, выпавших из волос.

Что ж, возможности есть. Осталось лишь воплотить одну из них в жизнь.

И поскорее, пока водоворот придворных интриг не увлек ее на дно.

*Ричмондский дворец, Ричмонд,
29 сентября 1588 г.*

– ...И не бывать тебе в подчинении ни у какой особы либо особ, ни в коей мере и ни при каких условиях, будь ли то клятва, ливрея, герб ли, обет иль что иное, но только лишь в подчинении Ее величества, ежели ею не пожаловано на то особого позволения...

При этих словах Девен едва не поморщился. Насколько же строго они в сем ограничены? Все это может здорово подорвать его планы возвышения при дворе: вздумайся королеве возрешовать, отказать в «особом позволении» – и он связан служением ей и только ей, без всяких надежд на других покровителей. Разумеется, некоторые в отряде служили иным хозяевам, но сколь долго им пришлось хлопотать о разрешении?

А Хансдон говорил и говорил. Присяга Благородных пенсионеров оказалась чудовищно длинной, но, к счастью, повторять за капитаном отряда каждое слово не потребовалось: Девен лишь подтверждал различные пункты, оглашенные Хансдоном. Сим он признавал Елизавету верховным иерархом Церкви, обещал не утаивать материй, пагубных для ее особы; блюсти требуемую квоту на предмет трех лошадей и двух слуг, должным образом снаряженных для войны; докладывать капитану о небрежении сослуживцев в сих вопросах; неуклонно блюсти устав отряда, повиноваться приказам старших офицеров, строго хранить служебную тайну, являться на службу со слугами в назначенный срок и от двора без позволения не отлучаться. Разумеется, все вышеперечисленное излагалось столь заковыристым канцелярским языком, что чтение заняло вдвое больше времени, чем того требовало содержание.

Преклонив перед Хансдоном колено на камышовой подстилке, Девен подтвердил верность присяге по каждому пункту. Во исполнение приказа, оделся он изящнее, чем в прошлый раз, едва не доведя до безумия своего портного с Минсинг-лейн настояниями, чтоб платье было закончено вовремя – к сегодняшней церемонии, к Михайлову дню. Дублет его был пошит из переливчатой темно-зеленой тафты с серебряными парчовыми вставками, что самым прискорбным образом нарушало законы о регулировании расходов¹², однако первый

---

¹² Согласно этим законам, одежды из золотой или серебряной ткани разрешалось носить только пэрам королевства. Для

визит ко двору показал: сих ограничений придерживаются считанные единицы. Наконечники шнурков, как и перетягивавший талию пояс, были украшены эмалью, а сумма долга одному чипсайдскому ювелиру возросла еще на пятьдесят фунтов. Вслушиваясь в голос Хансона, торжественно декламировавшего последние фразы, Девен втайне молился о том, чтоб все эти траты оправдались.

– Встань же, мастер Девен, – наконец провозгласил барон, – и добро пожаловать в ряды Благородных пенсионеров Ее величества!

Стоило Девену встать, лорд-камергер накинул на его плечи золотую цепь – церемониальное украшение членов отряда, а Эдвард Фицджеральд, лейтенант Благородных пенсионеров, вручил ему топорик на позолоченном длинном древке, который следовало носить во время службы, стоя в карауле у дверей из приемного зала во внутренние покои либо сопровождая Ее величество в церковь и из церкви по утрам. Оружие оказалось неожиданно тяжелым – пусть церемониальным, изысканно украшенным, но вовсе не декоративным. Благородные пенсионеры были отборными телохранителями монаршей особы с тех самых пор, как отец Елизаветы, Генрих, восьмой носитель сего имени, решил, что его достоинство заслуживает лучшего эскорта, чем прежде.

Разумеется, прежде чем Девену придется пустить это оружие в ход, всякому злоумышленнику предстоит одолеть Йоменских стражей в Караульной палате, не говоря уж о прочих солдатах и гвардейцах, несущих службу в любом дворце, где пребывает венценосная особа. Однако знание, что в случае надобности ему есть чем защитить персону Ее величества, весьма обнадеживало.

Это значило, что и сам он – не просто украшение.

Товарищи подняли в честь нового сослуживца тост, а далее всех ожидал праздничный пир. В теории весь отряд должен был собраться при дворе к Михайлову дню и на три следующих праздника, на практике же ко двору явилось несколько меньше полной полусотни. Кто-то выполнял поручения в иных местах – в отдаленных уголках Англии, а то и за морем, другие же, как подозревал Девен, попросту были свободны от службы и не удосужились прибыть. За неприбытие ко двору в назначенный срок могли и урезать жалованье (это было оговорено в уставе, который все клялись блюсти), но людям состоятельным незачем беспокоиться из-за пени в размере жалованья за несколько дней.

Несмотря на разгульное веселье, мысли Девена вновь и вновь возвращались к вопросу о покровителе, взгляд же его то и дело отыскивал Хансона среди хохочущей, шумной толпы заполнивших обеденный зал гуляк. Офицеры отряда – Хансон, Фицджеральд и еще трое (а именно – знаменосец, секретарь-адъютант и курьер) – сидели за особым, почетным столом.

Можно бы спросить Хансона... вот только это – все равно, что прямо сообщить барону о намерениях искать другого господина.

Хотя что в этом удивительного? Уж Хансон-то знает, кто обеспечил Девену место среди Благородных пенсионеров!

Девен непроизвольно потянулся к вину, но тут же поморщился и усмехнулся в собственный адрес. Он еще не знал, как собирается подыскать покровителя, но одно знал точно: строить какие-либо планы на сей счет под хмельком – в высшей степени неразумно. А пытаться задавать своему капитану деликатные вопросы – неразумно вдвойне. Стало быть, разумному человеку оставалось только одно: пить, радоваться приятному вечеру, а все заботы о делах отложить до завтра.

*Ричмондский дворец, Ричмонд,
30 сентября 1588 г.*

На военной службе Девен уже побывал и должен был знать, что принесет ему приход утра. Уильям Рассел, то ли обладавший бычьим здоровьем, то ли выпивший накануне далеко не так много, как могло показаться со стороны, явился за ним в час, пожалуй, приемлемый, если бы Девен отправился спать до рассвета, и силой вытряхнул его из кровати.

– Вставай, человек, нельзя заставлять королеву ждать!

– М-м-м-м... – только и смог сказать Девен, припоминая, нет ли в уставе пунктов, запрещающих наградить одного из товарищей доброй зуботычиной.

Колси и новый слуга по имени Рэнвелл в четыре руки подняли его на ноги и принялись одевать. Сквозь муть в голове проклюнулась мысль, что на Михайлов день кто-то устроил настоящее чудо: похоже, утро обошлось без похмелья. Однако примерно в то время, как он встал в общий строй, дабы сопровождать королеву к утренней молитве, сделалось ясно: это лишь оттого, что он все еще пьян. Ну, а Фицджеральд, конечно же, не преминул назначить его в караул, и в тот момент, когда неизбежное похмелье дало о себе знать, Девен оказался у всех на виду, в Приемном зале. Мрачно сжимая в руке древко топорика, он что было сил старался удерживать оружие прямо да молился о том, чтоб его не стошнило на глазах у всего двора.

К счастью, дежурство он, хоть и без удовольствия, но пережил, а значит, выдержал уготованное ему испытание. Мало этого, терпение не осталось без награды: в тот самый миг, как он сдавал пост Эдварду Гревиллу, королева вышла из внутренних покоев и удостоила его кивка.

– Дай тебе Бог доброго дня, мастер Девен.

– И вам дай Бог доброго дня, Ваше величество, – с непроизвольным поклоном ответил он.

Стоило поклониться, весь мир вокруг пошатнулся, однако Девен сумел удержаться на ногах, а королева меж тем удалилась.

Королева запомнила его имя! Конечно, слишком уж обольщаться сим фактом не стоило, однако Девен пришел в восторг, а именно в этом и состояла цель королевы: Елизавета великолепно умела поприветствовать подданного так, чтобы в лучах ее благосклонного внимания он на мгновение почувствовал себя особенным, избранным. И вправду: после этого даже головная боль показалась Девену не столь уж скверной.

Однако, стоило ему удалиться восвояси, похмелье вновь взялось за него в полную силу. Отдав оружие Колси, он позволил Рэнвеллу накормить себя неким варевом, что, по клятвенным заверениям слуги, исправно исцеляло и самое жуткое похмелье, но не прошло и минуты, как желудок взбунтовался и изверг все съеденное наружу.

– Еще раз накормишь меня этим – живо отправишься в Ирландию, на войну, – сказал Девен новому слуге, чем вызвал довольную ухмылку на физиономии Колси, еще не смирившегося с посягательством на его монополию.

Кое-как отплевавшись, Девен сделал глубокий вдох и собрался с силами. Хотелось лишь одного: рухнуть обратно в постель, но это никуда не годилось: пора возвращаться к насущным делам.

Расспрашивать Хансдона о позволительности поиска еще одного покровителя, не заручившись дружеским расположением нужного человека, не имело ни малейшего смысла. Да, Девен надеялся, что с этим уже решено, но, не получив сему подтверждения, говорить на подобные темы с Хансдоном не стоило.

Скрипнув зубами, Девен расправил плечи и – похмелье, или нет – отправился на поиски. Однако удача, благоволившая ему во время утренних мытарств, повернулась к молодому человеку спиной. Как выяснилось, господин главный секретарь был болен и посему ко двору не явился. Расспросы привели его к другому человеку – перепачканному чернилами, с толстой стопой бумаг в руках, замещавшему Уолсингема на заседаниях Тайного Совета во время его отсутствия.

Набравшись мужества, Девен решился просить Роберта Била уделить ему толику времени.

– Когда же следует ожидать возвращения господина главного секретаря ко двору? – спросил он, представившись и в общих чертах изложив суть дела.

Роберт Бил, четвертый клерк Тайного Совета, поджал губы, но вовсе не оскорбленно и не от раздражения.

– Трудно сказать, – отвечал он. – Разумеется, ему необходим отдых, а Ее величество весьма озабочена состоянием его здоровья. Я бы не ждал его слишком уж скоро – разве что дней через пять, а, возможно, и более.

«Проклятье!» – подумал Девен, старательно изобразив на лице улыбку.

– Благодарю вас за уделенное время, – сказал он, почтительно уступая Билу дорогу.

Являться к постели больного с просьбами о покровительстве, определенно, не стоило. Конечно, можно отправить письмо... но нет. В подобных материях лучше не спешить. Как бы ни досаждали задержки, придется ждать. Ждать и надеяться, что господин главный секретарь вскоре оправится от болезни.

Халцедоновый Чертог, Лондон,

20 октября 1588 г.

В пределах Лондона смертные проживали десятками тысяч, ну а в окрестных городках и деревнях – еще того более. Сколько же их во всей Англии? Об этом Луна не пробовала даже гадать.

Могла бы сказать одно: чрезмерно, чрезмерно много, если пытаешься отыскать кого-либо определенного.

В расспросах следовало блюсти осторожность. Если Тиресию можно доверять, если ему в самом деле было видение либо удалось что-то подслушать, шныряя вокруг да около, то этот Фрэнсис Мерримэн знает нечто полезное. Следовательно, делить его с кем-то еще вовсе ни к чему. Однако пока что скрытность не принесла никаких плодов: отыскать смертного оказалось не так-то просто.

Когда к ней явилось тщедушное создание из мелких духов с наказом явиться пред очи Видара, Луне первым делом подумалось, что вызов касается ее розысков. Правда, причины так полагать не имелось, однако возможные альтернативы казались куда менее привлекательными. Скрывая сии размышления, Луна одобрительно кивнула гонцу.

– Передай лорду-хранителю, что я явлюсь к нему при первой возможности.

Гонец обнажил в улыбке острые, как у всех гоблинов, клыки.

– Он требует явиться немедленно.

Разумеется, требует...

– Что ж, тогда я буду рада увидеться с ним безотлагательно, – учтиво солгала она, поднимаясь на ноги.

В лучшие времена она могла бы заставить его подождать. Высокого положения Видар достиг совсем недавно, а Луна до последнего времени была одной из фрейлин Инвидианы, одной из ближайших доверенных лиц королевы – насколько уж та вообще была склонна кому-либо доверять. Теперь подобной свободе настал конец: если Видар велит мчаться к нему со всех ног, оставалось только повиноваться.

Ну, а Видар, конечно же, заставил ее подождать. Высокий пост лорда-хранителя превратил его в самого желанного из покровителей, обладателя немалых богатств и колдовской силы, и ныне в его внешних покоях было не протолкнуться из-за придворных и провинциалов, надеющихся выпросить ту или иную милость. Возможно, он и потребовал от Луны явиться немедленно, но прежде, чем вызвать ее во внутренние покои, соизволил принять какого-то иска-

женного духа, двух девонширских пикси и насквозь пропыленного с дороги фавна, одетого по итальянской моде.

Вольготно развалившийся в кресле у дальней стены кабинета, Видар даже не поднялся ей навстречу. Некоторые из дивных упорно держались мод прежних времен, однако он тщательно следовал всем новым веяниям: его дублет, в очевидном подражании туалетам Индивидуаны расшитый хрусталем и агатом, так и мерцал в пламени свечей. По слухам, черная кожа его высоких, чулком облегающих ногу сапог была снята с какого-то злосчастного дивного, изловленного, замученного и казненного им во благо королевы, но Луна-то знала, что эти слухи распущены им самим. На самом деле то была обычная оленья замша, не более, однако стремление к подобной репутации свидетельствовало о многом.

– Лорд Ифаррен...

Луна склонилась перед хозяином кабинета в реверансе, соответствующем его положению, но ни на волос ниже.

– Леди Луна! – откликнулся Видар, крутя в костлявых пальцах хрустальный кубок. – Рад, рад, что вы соизволили откликнуться на мою просьбу.

Луна сделала паузу, но сесть ей не предложили.

Без спешки изучив ее, Видар отставил кубок и поднялся.

– Ну что ж, миледи, мы знаем друг друга давно, не так ли? И в прошлом работали рука об руку – к взаимной, на мой взгляд, выгоде. Посему мне больно видеть ваше падение.

В той же мере, в какой оленю во время гона больно видеть соперника, павшего от охотничьей стрелы...

– Весьма любезно с вашей стороны, милорд, – ответила Луна, скромно потупив взор.

– О, мне пришлось на ум оказать вам любезность не только на словах.

Луна разом насторожилась. Ей даже в голову не приходило, что мог бы выиграть Видар, предложив ей настоящую помощь, но это ровным счетом ничего не значило. Отрезанная от внутренних кругов придворных сплетен, она вполне могла не разглядеть его очередного гамбита. Но что же она в силах ему предложить?

Не сделав еще одного шага вглубь западни, этого было не выяснить.

– Я с радостью выслушаю все, что вы сочтете возможным сообщить мне, милорд.

Видар щелкнул пальцами, и пара низших гоблинов поспешила к нему. Еще один повелительный жест, и слуги принялись распускать шнуровку его рукавов, обнажая черный шелк нижней рубашки.

– Когда-то вы долгое время прожили среди смертных, не так ли? – не устаивая гоблинов и взгляда, спросил Видар.

– Именно так, милорд.

Видар вопросительно приподнял игольно-тонкую бровь.

– В то время я была камеристкой при леди Херефорд и звалась Летицией Ноллис. Ее величество поручила мне постоянно присматривать за двором смертных и докладывать ей обо всех их затеях.

Худосочный, словно скелет, дивный передернулся всем телом – резко, отрывисто, как движутся разве что насекомые.

– Какое самопожертвование ради блага королевы! Жить день и ночь в облике смертной, вдали от великолепия нашего двора... Ясень и Терн! Я бы на такое не согласился.

Возможно, то были первые искренние слова, сказанные им с той минуты, как Луна переступила порог кабинета. Собственный маскарад Видара, принесший ему новую должность, был скорее эпизодическим, чем непрерывным, однако радости ему отнюдь не доставил.

– Я была счастлива служить Ее величеству в меру моих способностей, – ровно сказала Луна.

– Разумеется, были.

Цинизм сей реплики подчеркнула недолгая пауза.

– Вина? – предложил Видар.

Луна согласно кивнула и приняла поднесенный гоблином кубок. Изысканное красное вино отдавало дымком, меркнувшим солнцем осени, пышным великолепием пожелтевших листьев, негромким сухим шуршанием под ногами и первой свежестью зимних заморозков. Луна узнала его с первого же глотка: ну, конечно – одна из последних бутылок, преподнесенных в дар Инвидиане, когда прежнего французского посла сменила мадам Маллин Ле Санфон де Вейль. А ведь тому уж немало лет... После отбытия посланника Дворов Севера мадам Маллин осталась при Халцедоновом Дворе, но отношения с Францией сделались напряженными. Больше таких подарков можно не ждать – по крайней мере, в скором времени.

– Возможно, – заговорил Видар, прервав ее раздумья, – у вас имеется шанс вновь послужить Ее величеству.

Остроту пробудившегося в душе интереса целиком скрыть не удалось.

– Продолжайте.

– Возвращайтесь ко двору смертных.

От прямоты этого предложения перехватило дух. Вновь жить среди смертных... это было весьма изнурительно, опасно, но как же восхитительно! Меж тем, немногие из дивных имели к сему способности, или хотя бы склонность. Неудивительно, что Видар послал за ней.

Однако что у него на уме? Разумеется, не прежнее задание, не обличье Летиции Ноллис! Если обрывки слухов, дошедшие до Луны, были верны, Летиция удалилась от двора, пораженная скорбью о смерти второго мужа, графа Лестера.

Еще глоток вина... Казалось, этот обжег нёбо сильнее первого.

– Вернуться, милорд? С какой целью?

– Ну как же! Для сбора сведений, как и прежде. И... – Видар сделал паузу. – И, может быть, с тем, чтоб завязать знакомство с некоей особой, а то и получить над ней власть.

В последнее время Луна полностью сосредоточилась на политике малого народца – переговорах с морскими владыками, набегах заморских альвов да непрестанной напряженности в отношениях с Дворами Севера. Проклятье, отчего она хоть краем глаза не приглядывала за делишками смертных? Теперь ей даже неизвестно, кто из них чего стоит, и кого ей предстоит втравить в беду! Возможно, названное Видаром имя даже окажется незнакомым...

– И кто бы это мог быть, милорд?

– Сэр Фрэнсис Уолсингем.

Резной хрусталь глубоко впился в стиснутые пальцы.

– По-моему, это имя мне знакомо, – с осторожностью заметила Луна.

– Как тому и следует быть. Для смертного он продержался при дворе довольно долго, и взлететь успел высоко. Ныне он – главный секретарь королевы Елизаветы. Вы с ним встречались?

Видар подал знак, и гоблин вновь наполнил вином его кубок.

– Он не являлся ко двору, пока я не прекратила своего маскарада.

Но, невзирая на это, Луна знала о нем довольно, чтобы проникнуться страхом.

– Отыскать его будет проще простого. Сейчас двор смертных пребывает в Ричмонде, но вскоре переберется в Хэмптон-Корт. Там-то вы к ним и присоединитесь.

Луна передала кубок слуге. Это вино слишком уж отдавало печалью и неминуемой утратой.

– Милорд, я еще не сказала, что возьмусь за это дело.

Лицо Видара расплылось в тонкой, хищной улыбке.

– Не думаю, что у вас есть выбор, леди Луна, – промурлыкал он.

Как она и опасалась... Но что же рискованнее – согласие или отказ? Каким бы медом Видар не мазал приманку, это задание предложено ей вовсе не из желания помочь искупить

былые оплошности. Уолсингем был не просто главным секретарем, но и одним из первостепенных разведчиков двора Елизаветы. Вдобавок не просто протестантом, а протестантом пуританского толка, из тех, кого все дивные почитают дьяволами в человеческом облике. Любая попытка завязать с ним знакомство, не говоря уж о слежке, может привести к ее поимке, а если она будет схвачена...

Чары и волшеббу дивных поддерживает только брэнная пища, оброк, приносимый смертными. Тюремное заключение, даже недолгое, приведет к самым катастрофическим последствиям.

Кстати о брэнной пище.

– Подобные маскарады, лорд Ифаррен, обходятся недешево, – сказала Луна. – Дабы поддерживать достоверность присутствия при дворе, там нужно бывать каждый день. А брэнный хлеб смертных...

– Его вы получите, – небрежно ответил Видар. – Один из низших духов будет доставлять его вам каждое утро – или, если угодно, каждый вечер.

Как-то уж слишком легко он капитулировал...

– Нет. Подобный порядок не оставляет запаса времени. Отправься я с поручением куда-то еще, да пропусти встречу с гонцом – и мы рискуем разоблачением. По целой ковриге за раз, а то и больше.

Целой ковриги, если съедать не более необходимого, хватит на очень дальнее путешествие в облике смертной. Возможно, даже на то, чтобы благополучно скрыться в иной стране.

Если дело действительно дойдет до самого худшего.

Казалось, цинический взгляд Видара пронизывает ее насквозь и видит все – даже самые потаенные мысли.

– Доверие Ее величества к вашей особе не распространяется столь далеко. Однако недельный запас – это вполне можно устроить. Скажем, по пятницам. Смертные полагают, будто мы чтим этот день, так отчего бы не потрафить их фантазиям? К тому же и их священного дня сможете не опасаться. Так, судя по усердному торгу, вы согласны?

Согласна ли? Луна взглянула в непроницаемую черноту Видаровых глаз, пытаясь отыскать в его взгляде хоть намек на... да хоть на что-нибудь. На любую малость, что сможет подсказать верный путь.

Пока у нее не было даже уверенности, что эти приказы исходят от Инвидианы. Видар вполне мог состряпать их сам – с тем, чтоб избавиться от нее навсегда.

Впрочем, нет. Подвергнуть Халцедоновый Двор опасности, рискуя раскрыть перед смертными ее истинную природу – на такое не пойдет даже он.

Или пойдет? В высших придворных кругах его устремления – ни для кого не секрет. Даже Инвидиана знает, что ее советник жаждет занять ее трон. Но там, где Дикая Охота истребила бы королеву, а Халцедоновый Чертог разнесла по камешку, развеяв ее двор по ветру, Ифаррен Видар поступит тоньше: этот оставит все как было, только корону объявит своей. Если только сумеет найти способ.

Может, в том все и дело? Не уготована ли Луне роль пешки в его тайных замыслах?

Что ж, если так, если она сумеет раскрыть его игру и донести обо всем Инвидиане... это уже не просто путь к монаршему благоволению!

Луна расправила юбки и склонилась перед Видаром в реверансе – не более почтительном, чем прежний. В его глазах излишнее смирение будет выглядеть куда подозрительнее гордости.

– Я бесконечно рада возможности служить Ее величеству.

Взгляд Видара исполнился удовлетворения.

– Не угодно ли присесть, леди Луна? Я подготовил описание роли, которую вам предстоит принять...

– Лорд Ифаррен, – с наслаждением оборвала его Луна, – моя задача именно такова, как вы говорили? Сбор сведений и знакомство с сэром Фрэнсисом Уолсингемом?

– И власть над ним – любого сорта, согласно представившейся возможности.

Подобные возможности не представляются сами собой, однако создать такую ей по силам. Вот только все это – разговоры впустую.

– Тогда роль я себе подберу сама. Однажды Ее величество в этом на меня положились.

Видар недовольно скривил тонкие губы.

– Ее величество также положились и на вашу настойчивость в переговорах с морским народом.

Будь проклят тот день, когда Луну послали в глубины моря! Небось Видару не довелось побывать там с поручением убедить обитателей чуждой страны в том, что дела смертных – их забота. Возможно, они – тоже дивные, но, в отличие от сухопутных собратьев, русалки, роаны¹³ и прочие подводные жители чужды современной придворной галантности. Круг их понятий об общении с людьми ограничен кораблекрушениями да случайными любовными интрижками, ну а политика сюда не входит вовсе. Счастье, что ей удалось отыскать хоть что-то желанное для них!

Однако все это было бы жалким, ничтожным брюзжанием. Вместо этого Луна сказала иное:

– Вы гнушаетесь жизнью смертных, лорд Ифаррен. Согласились бы вы сесть на коня, выраженного тем, кто гнушается животными?

– Я знаю Уолсингема, – возразил Видар.

– И я покорно выслушаю ваши советы во всем, что касается его персоны. Но вы обратились ко мне, поскольку во всем Халцедоновом Дворе нет никого, превосходящего меня в сем искусстве. И если я отправлюсь ко двору смертных, то только на собственных условиях.

Казалось, сей вызов повис меж ними в воздухе. Недолгая пауза – и Видар махнул рукой, точно все это было неважно.

– Быть по сему. О переезде двора я вас предупрежу. А вы предупредите меня об избранной роли прежде, чем отправитесь к ним.

– Перед этим мне понадобится толика хлеба.

– Зачем?

Теперь уже в его голосе зазвучали брюзгливые нотки.

– Дабы ознакомиться с положением, милорд, – спокойно пояснила Луна. – Ведь я не бывала при дворе смертных много лет.

– Что ж, ладно, ладно! Ну, а теперь убирайтесь с глаз моих. Меня ждут другие дела.

Луна сделала реверанс и удалилась. Если Видар вознамерился поставить ее в положение, где ее ждет неудача, по крайней мере, одной ловушки она избежала. Ну, а благодаря выделенным ей припасам, собственный хлеб вполне можно отдать кому-нибудь из дивных в обмен на нужные сведения.

В давние-давние времена она пробила себе путь от полной безвестности к монаршему благоволению лишь трезвым расчетом и своевременными оказанными услугами. Сделав это однажды, она вполне может сделать – и непременно сделает! – то же самое снова.

Дворец Хэмптон-Корт, Ричмонд,

24 октября 1588 г.

Въехав в просторный Нижний двор, Девен спешил едва ли не до того, как его гнедой мерин остановил бег. После заката октябрьский воздух заметно остыл, холодок пощипывал щеки, а пальцы замерзли, несмотря на перчатки. В небе сгустились тучи: мягкий, погожий

---

¹³ В Ирландии – то же, что в Шотландии «селки», сверхъестественный морской народ, полулюди-полутюлени.

осенний денек обещал завершиться ночной грозой. Бросив поводья слуге, Девен, растирая озябшие руки, направился к арке ворот, ведущих в глубину дворца.

Лестница слева вела из-под арки наверх, в старомодный Большой зал. Более не служившие главным местом сбора монарха и знати, сии архаичные палаты были отданы дворцовым слугам, по прежнему же назначению использовались только в дни пышных многолюдных церемоний. Нигде не задерживаясь, Девен миновал зал и устремился к покоям, располагавшимся далее: там можно было отыскать того, кто знал ответ на его вопрос.

При Елизавете, перебравшейся в другую часть разросшегося дворца, эти покои уже не использовались как личные комнаты королевы, но, несмотря на поздний час, в караульном зале еще толпилось немало придворных из тех, что рангом пониже. От них Девен узнал, что Елизавете вновь, как часто случалось после недавней смерти ее фаворита, графа Лестера, мучает бессонница. Дабы отвлечься, она удалилась в комнаты на южной стороне Фонтанного двора, послушать, как одна из ее фрейлин музицирует на вирджинале¹⁴.

У дверей, разумеется, стоял пост, а к высшему кругу придворных, которым позволено вторгаться к королеве непрощенными, Девен не принадлежал. Посему он поклонился двоим товарищам по Отряду благородных пенсионеров, а затем повернулся к сонному герольду, безуспешно пытавшемуся скрыть зевоту.

– Примите самые искренние извинения за то, что нарушаю покой Ее величества, но я послан сюда, дабы доставить ей немаловажное сообщение.

Вынув скрепленный печатью пергамент, Девен с новым поклоном вручил его герольду.

– Сэр Джеймс Крофт недвусмысленно выразил желание передать это Ее величеству как можно скорее.

Герольд со вздохом принял пергамент.

– О чем же там говорится?

– Не знаю, – с едва скрываемым раздражением отвечал Девен, сдержав рвущийся с языка ядовитый ответ. – Письмо запечатано, а вопросов я не задавал.

– Хорошо. Желает ли сэр Джеймс получить ответ?

– Об этом он ничего не сказал.

– Тогда подождите здесь.

Отворив двери, герольд скользнул внутрь. Из комнат донесся обрывок мелодии и женский смех. Незнакомый. Смеялась не королева.

Герольд вернулся, держа что-то в руке.

– Ответа для сэра Джеймса не будет, – сказал он, – однако Ее величество просит вас отнести вот это обратно в Райские покои.

С этими словами он подал Девену пару флейт из слоновой кости.

Девен нерешительно принял их, стараясь измыслить способ не осрамиться, но в голову не пришло ничего подходящего.

– Дорогу знаете? – с сочувственной улыбкой спросил герольд.

– Нет, – вынужден был признаться Девен.

Разраставшийся долгое время Хэмптон-Корт ныне превратился в огромный лабиринт внутренних двориков и галерей. Во всей Англии он уступал одному лишь Уайтхоллу, где, по рассказам сослуживцев, отыскать что-либо было еще сложнее.

– Кратчайший путь лежит через эти покои в Долгую галерею, – сообщил герольд. – Но, поскольку сейчас они заняты, возвращайтесь в Большой зал, а там...

Нет, опасения Девена оказались напрасными. Через заднюю часть дворца, с юга на север, тянулись две галереи, на южной стороне соединявшиеся с Долгой и комнатами, на сей раз

---

¹⁴ Клавишный музыкальный инструмент, разновидность клавиесина.

избранными Елизаветой. Райские же покои располагались в юго-восточном углу дворца, в дальнем конце Долгой галереи.

Отперев двери, Девен едва не выронил флейты. Отраженный свет пламени взятой с собою свечи засверкал навстречу тысячами огоньков. Подняв свечу повыше, он обнаружил, что темная комната за дверью битком набита несказанными богатствами. Бессчетные самоцветы, безделки из золота и серебра, искусно расшитые многокрасочным шелком гобелены, усыпанные жемчугом подушки... а у одной из стен царил, довлея над всем остальным, пустующий трон под пышным балдахином. Балдахин украшал герб королей Англии, окруженный синей лентой ордена Подвязки. Один только бриллиант, свисавший с нижнего кончика ленты, мог бы обеспечить Девену роскошную жизнь до скончания дней.

Только тут он заметил, что затаил дыхание, и сделал глубокий вдох. Нет, не до скончания дней. Разве что лет на десять. Да и их не будет, если его казнят за кражу.

Однако все содержимое комнаты...

Не зря, не зря она названа Райскими покоями!

Оставив флейты на инкрустированном перламутром столике, Девен попятился назад и поспешил запереть дверь к ослепительным богатствам, прежде чем вновь впасть в соблазн. «Среди этакой груды сокровищ пропажу какой-то малости вряд ли хоть кто-то заметит...»

Возможно, именно греховные мысли и сделали его столь беспокойным. Услышав шум, Девен резко, точно затравленный зверь, обернулся и увидел кого-то, стоявшего невдалеке.

Однако мимолетная тревога тут же прошла. Снаружи мир заливал дождь, луна скрылась за тучами, и посему Долгая галерея была освещена одной лишь его свечой. Конечно, в столь скудном освещении фигуры было не различить, но, судя по силуэту, на незнакомце не было ни длинного платья, ни одеяний с буфами, а значит, ни к пожилым, ни к молодым придворным он не принадлежал. «Вдобавок, – напомнил себе Девен, – я не совершил ничего дурного. Всего лишь выполнил приказ, ну а алчных мыслишек не смог бы подслушать ни лакей, ни кто-либо другой».

Но все это напомнило о долге службы. Пусть королевы нет рядом – он обязан охранять и все, что ей принадлежит!

– Стой! – сказал он, поднимая свечу. – Стой и назовись!

Незнакомец сорвался с места и пустился бежать.

Девен без раздумий устремился в погоню. Не успел он сделать и пары шагов, как свеча погасла. Швырнув ее вместе с подсвечником на пол, юноша рванулся к двери, за которой исчез незнакомец. Дверь эта находилась совсем рядом с Райскими покоями. Вбежав в нее, он обнаружил перед собою лестницу. Сверху отчетливо слышалось эхо шагов.

К тому времени, как он достиг третьего этажа, незнакомец успел скрыться, но ступени вели еще выше, ко второй лестнице – тесной, узкой, заканчивавшейся дверцей в полроста высотой, очевидно, проделанной для слуг. Рывком распахнув ее, Девен выбрался наружу, под струи холодного проливного дождя.

Дверца вела на крышу. Невысокая зубчатая стена справа ограждала скат крыши, спускавшийся к Райским покоям, расположенным ниже. Взглянув налево, поверх покатой кровли из листового свинца, он едва сумел различить незнакомца, бегущего по крыше.

Да, гнаться за ним по скользкой от дождя свинцовой кровле было сущим безумием, однако на размышления у Девена имелся всего лишь миг, а кровь в жилах бурлила вовсю.

Девен бросился следом.

Крыша была – все равно, что чужая земля: острые углы, зубчатые парапеты, там и сям, точно мачты без парусов, возвышались шпили башенок... По счастью, избранный незнакомцем путь оказался ровен и прям, не изломан коньками кровли, и потому Девену сразу же удалось сориентироваться в плане полужакомого Хэмптон-Корта: бежали они прямо над Долгой галереей – в ту сторону, откуда он пришел.

В голове вновь прозвучали слова герольда: «Кратчайший путь лежит через эти покои в Долгую галерею...»

Галерея вела прямоиком к комнатам, где Елизавета в обществе придворных дам коротала бессонную ночь, слушая музыку.

Пустив по ветру всю осторожность, Девен удвоил прыть. Теперь он держался на ногах лишь потому, что инерция влекла тело вперед, не позволяя упасть. Вот незнакомец уже наступил – нет, не так близок, чтоб его удалось схватить, но еще чуточку, и...

Небеса озарила молния, а следом за ней загремел гром. Полуослепший, Девен попытался остановиться, но было поздно.

Край кирпичной кладки больно ударил по коленям, прерывая бег, но собственный вес по-прежнему увлекал Девена вперед. Перевалившись через зубцы парапета, он отчаянно замахал руками, и пальцы левой ладони вцепились в какой-то выступ. Остановив падение, Девен едва не вывихнул плечо и закачался из стороны в сторону, точно маятник. По счастью, правая рука нащупала кирпичный карниз за миг до того, как пальцы левой утратили опору, и это уберегло юношу от падения вниз, на другую крышу, с высоты целого этажа.

Кое-как уцепившись за край зубчатого парапета, он принялся жадно хватать ртом воздух. Струи дождя рекою текли по волосам и одежде, полные воды башмаки тянули вниз, точно гири.

От сильного рывка левая рука болезненно ныла до самого плеча. Закряхтев от натуги, Девен подтянулся кверху, зацепился ногой за кирпичный зубец, перекинул тело через край парапета, бессильно рухнул набок у основания невысокого парапета и замер, привыкая к мысли о том, что падение и гибель ему более не угрожают.

«А незнакомец?!»

Обернувшись, Девен взглянул вверх парапета в сторону крыши покоев, где Елизавета слушала вирджинал. На мокрой от ливня свинцовой кровле не было никого, люки, ведущие в башенки по углам пристройки, оказались заперты, а сквозь рокот грозы до ушей его донеслись отголоски музыки. Однако все это означало только одно: пока – пока! – никто не пострадал.

Если бы даже Девен мог спрыгнуть вниз, врываться к королеве вымокшим до костей да в рваном дублете, набивка коего свисала наружу, точно белые ватные потроха, было бы непозволительно. Поднявшись на ноги, он скривился от боли в разбитых коленях и захромал вдоль Долгой галереи назад, к дверце, что вывела его на крышу.

Как и следовало ожидать, принесенные им вести породили страшную суматоху. С постели немедленно было поднято великое множество людей, однако незваный гость исчез без следа. В скором времени Девену, уже не оставлявшему за собою луж, но все еще изрядно мокрому, пришлось излагать лорду Хансдону всю свою историю, с прибытия и до последних минут.

– Лица его вы вовсе не разглядели? – спросил Хансдон, отбивая пальцами на столе тревожную дробь.

Девен был вынужден отрицательно покачать головой.

– Он низко надвинул на лоб шляпу, а стояли мы на некотором отдалении, при свете одной-единственной свечи. Сложением он, кажется, был мелковат, и одет скорее как работник, чем как джентльмен, но большего я сказать не могу.

– Куда он, по-вашему, мог направиться, когда вы потеряли его из виду?

Те самые покои примыкали углом к комнатам придворных, окаймлявшим Нижний двор, а оттуда злоумышленник мог побежать почти куда угодно, хотя громада Большого зала заставила бы его обогнуть двор кругом – если, конечно, ему хотелось попасть куда-то еще. Удобного спуска на землю поблизости не имелось: все здания – самое меньшее двух этажей в высоту. Будь у него веревка, он мог бы скрыться в окне второго этажа, но никаких веревок на крыше не нашли. Следов промокшего до нитки человека в дворцовых комнатах – тоже.

В последний раз Девен видел этого человека, когда оба они достигли конца галереи, после чего незнакомец... прыгнул за край.

Хотя нет, не совсем. Да, прыгнуть-то он прыгнул, но вверх, в воздух – совсем не так, как прыгал бы тот, кто намерен был приземлиться на покатающую кровлю вниз.

А дальше... Дальше память услужливо подсовывала одно лишь хлопанье крыльев.

Дрожа в неудобной мокрой одежде, Девен вновь покачал головой.

– Не могу знать, милорд. Вероятно, в сады, а оттуда – в Темзу. А может, у берега его ждала лодка.

Как злоумышленнику удалось спуститься в сады с высоты второго, а то и третьего этажа, Девен сказать не мог, но лучшего объяснения у него не имелось.

У Хансдона, очевидно, тоже.

– По-видимому, сейчас королеве ничто не угрожает, – мрачно поджав губы, сказал он. – Однако на будущее нужно держаться настороже. А если увидите этого малого снова...

– Понимаю, милорд, – кивнул Девен.

Он мог бы столкнуться с этим малым на улице, нос к носу, и все-таки не узнать его. Однако теперь Девен твердо поверил в то, во что раньше, откровенно сказать, как-то не верилось: оказывается, враги королевы действительно могут угрожать ее жизни. Выходит, его долг – не просто стоять у ее дверей с золоченым топориком...

Что ж, дай Бог, чтоб больше этаких угроз не возникало, но, если уж возникнут, в следующий раз он постарается не оплошать.

Воспоминания: 12 июля 1574 г.

Спящий неопрятно, некрасиво раскинулся на кровати. Сброшенные одеяла открывают взгляду стареющее тело – обвисшее брюшко, обыкновенно спрятанное под гороховыми дублетами, редеющие темные волосы... Да, зашедший и вполнину не так далеко, как некоторые из прочих придворных, он все еще довольно строен, однако годы начинают брать свое.

Но в мыслях – вернее, в ночных грезах, он все еще молод и крепок, каким был лет десять, а то и двадцать тому назад.

И это прекрасно соответствовало целям существа, заглянувшего к нему с ночным визитом.

Как оно проникло внутрь? Этому не смог бы сказать ни один сторонний наблюдатель. Возможно, сквозь щель под дверьми, а может, сгустившись из вещества самой тени. Вначале оно проявило себя всего лишь как рябь в воздухе, затем обрело смутную форму и мягко, неслышно поплыло через спальню к кровати.

Нависнув над спящим, странное создание приняло более отчетливый облик и обрело даже цвет. Колышущаяся рубашка, не стесненная узами корсета, кертла и прочих придворных нарядов. Концы распущенных рыжих волос едва не касаются кожи спящего. Высокий лоб; карминово-алые губы, слегка приоткрытые в зовущей улыбке...

Спящий вздохнул и обмяк, погружаясь в сон глубже прежнего.

Он, Роберт Дадли, охотился – мчался быстрым галопом через просторы полей вслед за гончими, звонко залаявшими, завидев дичь. Рядом скакала дама, рыжеволосая дама. В голове промелькнула смутная мысль, будто еще миг назад она была не такой (и в сем он ничуть не ошибся), однако теперь она сделалась моложе, а ее рыжие волосы стали немного темнее.

И вот они уже не скачут, а идут, и гончие куда-то исчезли. Слева, в камышах, журчит, смеется невидимый ручеек. Сквозь полог листвы сочатся на землю теплые, золотисто-зеленые солнечные лучи, впереди, за опушкой, простирается травянистый луг, а на лугу виднеется... домик? Нет, беседка. Будуар.

Занавеси призывно колышутся вокруг стоящего внутри ложа.

Одежда исчезает, стоит лишь вспомнить о ней. Оставшись нагими, оба падают на ложе. Каскады рыжих волос смыкаются вокруг него, точно еще одна занавесь, и Роберт Дадли с вос-

торгом глядит в лицо Летиции Ноллис. Весь разум и логика рассыпаются в прах, не устояв перед натиском нахлынувшей страсти.

Раздуть огонек прежнего флирта в буйный пожар проще простого. По пробуждении он ни о чем не вспомнит – ну, разве что сохранит некие смутные воспоминания о неких туманных ночных грезах, однако и это прекрасно послужит цели. А если Летиция Ноллис на самом-то деле – Летиция Девере, леди Херефорд, состоит в браке с другим, все это неважно: ведь Дадли на ней не жениться. Он должен всего-то отдать ей сердце, отворачившись душою от прежнего предмета любви – его возлюбленной королевы Елизаветы.

Роберт Дадли, граф Лестер, глухо, утробно стонет, ворочается на простынях, не ведая ни о чем, кроме заполонивших сознание грез. Над ним колышется призрачный облик Летиции Ноллис, прекрасной, как никогда – даже в расцвете юности.

Европейские схоласты немало говорят о демонах, коих именуют суккубами. Однако на белом свете подобными силами обладают самые разные существа, и не все они служат дьяволу.

Некоторые служат королеве дивных и рады исполнить ее приказ, разлучив королеву смертных с самым преданным и постоянным поклонником.

Однако от этаких излишеств человек может и умереть...

Призрачная фигура утрачивает четкость, вновь обращается в мутную дымку, и граф Лестер с недовольным, разочарованным вздохом погружается в сон без сновидений.

Ничего. Впереди новые ночи. Навестившее его создание почитает себя художником, истинным мастером. Оно будет трудиться над сим шедевром без спешки, растя его страсть мазок за мазком, пока не завладеет всеми его помыслами. А вот когда сердце его отвернется от королевы смертных и работа будет завершена...

Что ж, тогда будут новые смертные. Для столь искусного творца у Инвидианы дело всегда найдется.

*Дворец Уайтхолл, Вестминстер,
3 ноября 1588 г.*

Остановившись перед отполированным зеркалом, Девен провел ладонью по подбородку – не осталось ли где щетины? С утра Колси побрил его, а его волосы были насвежо острижены в сдержанном стиле, согласно последней моде; оделся он в пунцовый дублет с ниспадающим воротником, полученный от портного только вчера, когда двор завершил переезд в Уайтхолл, и даже низкие туфли украсил шелковыми лентами. Одним словом, выглядел он куда лучше, чем в тот день, когда впервые предстал перед королевой, и все же чувствовал себя почти столь же ущербным.

– Пора бы вам пошевелиться, хозяин, – раздался позади голос Колси.

Напоминание было вполне своевременным, хотя и малость развязным: время от времени Колси забывал, что Девену он не отец и командовать им не вправе. Это заставило глубоко вздохнуть, отвернуться от мутного отражения в зеркале и, точно всадник с копьём наперевес, устремиться к дверям.

С копьём наперевес... Он уже думал о возможном участии в грядущих турнирах в честь Дня Коронации, но понимал: все это – пустая трата времени и денег. Разумеется, турнирное мастерство могло бы привлечь внимание королевы, однако к копьё он был в лучшем случае равнодушен. Придется довольствоваться обычным парадным шествием Благородных пенсионеров – во время празднеств они устроят вокруг Елизаветы пышное воинское представление.

Однако сосредоточиться на параде было трудновато: ноги несли его навстречу вполне реальной возможности преуспеть при дворе.

Потеребив аппликации, украшавшие нижнюю кромку дублета, он усомнился, не слишком ли они фривольны. Пустая мысль – времени на переодевания у него уже не было, но сегодня он сомневался в себе на каждом шагу.

Оставалось лишь стиснуть зубы и гнать все тревоги прочь.

К его приходу в приемной собралось около десятка человек, а уж приходивших и ухивших было еще больше. Таковы неизбежные следствия отсутствия при дворе, пусть даже твои обязанности выполняет кто-либо вроде Била. По счастью, Девену было назначено, и после непродолжительного ожидания его препроводили в кабинет, где сидел над небольшой стопкой бумаг главный секретарь Ее величества.

Выступив на середину комнаты, Девен преклонил колено на половике.

– Господин секретарь...

В свете неяркого ноябрьского солнца, сочившемся внутрь сквозь узкие окна дворца, сэра Фрэнсис Уолсингем выглядел изрядно усталым. Да, разговоры о его болезни не были ложью, следы ее проступали на лице главного секретаря со всей очевидностью. Прежде Девен встречался с ним дважды (все прочие дела велись через посредников), а потому ему было с чем сравнивать. Для англичанина Уолсингем был смугловат, но хворь сообщила его коже нездоровую бледность, а под глазами оставила темные круги.

– Рад, – сказал Девен, – что Господь счел уместным поправить ваше здоровье.

Уолсингем взмахнул рукой, веля ему подняться.

– Да, заболел я весьма некстати, но теперь это в прошлом. Бил говорит, вы хотите меня о чем-то просить.

– Так и есть.

Девен ожидал вступления более продолжительного, однако, учитывая груду ждущей Уолсингема работы, удивляться тому, что тот предпочел перейти прямо к делу, пожалуй, не стоило. Это побуждало Девена говорить прямо, а прямота нравилась ему куда больше, чем умаление собственных слов густым слоем красноречия – особой и крайне важной разновидности придворного искусства.

– Я хотел лично поблагодарить вас за протекцию, благодаря коей теперь состою на службе в Отряде благородных пенсионеров.

– Невеликое дело, – откликнулся Уолсингем. – Вы неплохо служили мне среди других протестантов в Нижних Землях, а ваш отец немало помог Ее величеству в прекращении публикации крамольных памфлетов.

– Рад был служить, – сказал Девен, – но надеюсь, что могу оказаться полезным и впредь. В темных глазах собеседника не отразилось ничего, кроме легкого любопытства.

– Продолжайте.

– Господин секретарь, работа, что я выполнял для вас на континенте, наглядно показала мне: защита Ее величества, защита Англии, зависит от разного рода действий. Одни из них – действия флота и армии – общеизвестны. Другие же – нет. Вы, очевидно, один из полководцев последних, тайных войн.

Уголки губ главного секретаря дрогнули в легкой улыбке, скрытой густой бородой.

– Вы говорите об этом в столь поэтическом ключе. Однако, боюсь, поэзии в нашей работе не много.

– К поэзии я и не стремлюсь, – заверил его Девен. – Ищу лишь возможности оставить свой след в нашем мире. Следовать по стопам отца, в Почтенную компанию торговцев канцелярскими принадлежностями, мне не интересно, и Грейс-Инн меня также не привлекает. Говоря со всей откровенностью, я стремлюсь оказаться полезным человеку наподобие вас – влиятельному, наделенному властью не оставить меня без награды. Мой отец заслужил звание дворянина, я же надеюсь достичь еще большего.

Вот это, стоило надеяться, пробудит в душе господина главного секретаря толику сочувствия. Сам Уолсингем был рожден в семье, обладавшей куда более обширными связями, чем семья Девенов, однако и рыцарского звания, и должности в Тайном Совете добился сам.

Удастся ли Девену поразить столь высокую цель? Сомнительно, однако он будет метить как можно выше.

Но, может быть, его слова обернутся вспять, словно нож в руке, и поразят его самого?

– Значит, на службу вас зовет не любовь к Англии и ее королеве, а собственные амбиции, – сказал Уолсингем.

подавив произвольный порыв втянуть голову в плечи, Девен опрометью бросился спасать все, что еще можно спасти.

– Одно другому не противоречит, сэр.

– Для некоторых – еще как.

– Господин секретарь, я вовсе не диссидент-католик и не изменник, болтающийся на конце шнура, стягивающего кошелек иноземных владык, но честный и верный англичанин.

Уолсингем смотрел на него, словно бы взвешивая все его достоинства и недостатки, всю слабость и силу, одним лишь взглядом. По-своему разговор с ним был столь же нелегок, как аудиенция с Елизаветой.

Под острыми жалами его глаз Девена потянуло продолжать – выложить на стол одну из немногих имеющихся карт, которая сможет склонить главного секретаря на его сторону и исправить вред, нанесенный сказанным прежде.

– Слышали ли вы о происшествии в Хэмптон-Корт?

Уолсингем кивнул. Разумеется, он обо всем слышал.

– Тогда вам должно быть известно, что на злоумышленника наткнулся не кто иной, как я.

– И пустился за ним в погоню по крышам.

Девен с силой сцепил пальцы за спиной.

– Пусть так. Конечно, господин секретарь, у вас нет причин верить мне на слово, но той ночью я был безмерно далек от мыслей о каких-либо амбициях. Я пустился в погоню, ничуть не заботясь о собственной безопасности. И я не из гордости все это говорю – просто хочу, чтоб вы поняли: имея на раздумья всего лишь миг, я подумал о благополучии королевы. А когда этот человек скрылся, исчез в ночи, – проклинал свою неспособность поймать его. Надо сказать, я вовсе не желаю снова бегать по крышам, а вы, господин секретарь, посвятили жизнь тому, чтоб в этом не возникало необходимости. Вы устраняете угрозы еще до того, как они приблизятся вплотную к Ее величеству. За это дело с радостью взялся бы и я. Мне очень хочется служить королеве и ее благополучию, не просто стоя у дверей с золоченым топориком в руках.

Он вовсе не намеревался говорить так долго, однако Уолсингем не перебивал, предоставляя ему болтать, сколько заблагорассудится. Разумный ход: чем больше Девен говорит, тем менее обдуманно становятся его слова, тем более он склонен говорить от души. Оставалось только надеяться, чтобы душа подсказала речи скорее пламенного патриота, чем неоперившегося юного идеалиста.

– Так что же именно вы думаете делать? – спросил главный секретарь, нарушив молчание, последовавшее за сим финалом. – Драться с католиками? Обращать их в нашу веру? Шпионить?

– Я присягал служить Ее величеству здесь, при дворе, – отвечал Девен. – Но ведь вам, разумеется, нужны свои люди и здесь – не затем, чтоб добывать сведения, но чтобы слагать разрозненные донесения в единое целое. А я... – Он виновато улыбнулся. – Я с детства любил головоломки.

– Вот оно как...

За спиной Девена скрипнула дверь. Кто бы там ни явился, Уолсингем только махнул рукой, и они снова остались наедине.

– Значит, коротко говоря, вам хотелось бы разгадывать головоломки, служа мне.

И не без выгоды для себя... однако Девен был не так глуп, чтоб повторять это вновь, пусть оба и слышали те слова, по сю пору витавшие в воздухе.

– Мне хотелось бы, – после недолгих колебаний сказал он, – получить шанс доказать вам, чего я стою в подобных материях.

Ответ оказался верен – или, по крайней мере, неплох.

– Сообщите о своем желании Билу, – решил Уолсингем. – Шанс вы, Майкл Девен, получите. Смотрите же, не упустите его.

Не успели эти слова отзвучать, как Девен вновь преклонил колено.

– Благодарю вас, господин секретарь. Вы об этом не пожалеете.

Акт второй

*Несть в свете иного блага, столь всеобъемлющего, как добрый
государь, и несть в свете иного бедствия, столь всеобъемлющего, как
государь дурной.*

Бальдассаре Кастильоне.

«Придворный»

Комната невелика и начисто лишена обстановки. Что бы ни находилось здесь во времена оны, ныне она никому не нужна. Подобных покоев – забытых углов, опустевших после того, как владельцы их умерли, бежали или впали в немилость, в Халцедоновом Чертоге немало.

В таких местах он чувствует себя как дома: они пребывают в таком же небрежении, как и он сам.

Внутри он вошел через дверь, но теперь не может ее отыскать, потому и бродит взад-вперед, от стены к стене, слепо ощупывает камень, будто черный мрамор вот-вот подскажет, куда же идти, где же искать свободы.

Рука касается стены и тут же отдергивается. Он вглядывается в поверхность, наклоняется так и сяк, точно человек, изучающий отражение в зеркале со всех сторон. Смотрит, и смотрит, и смотрит, затем, побледнев, отворачивается.

– Нет. Не стану смотреть. Не стану.

Однако смотреть-то придется: от собственных мыслей спасения нет. Теперь его взор привлекает к себе другая, дальняя стена. Нетвердым шагом идет он к ней, протягивает руку, касается пальцами камня, обводит черты возникшего перед глазами образа.

Лицо. Точно такое же, и в то же время совсем не такое, как у него. Рядом вторая фигура – точно такая же, как она, и в то же время совсем не такая. Он резко оборачивается, но ее с ним нет. Только ее подобие. Только в его воображении.

Против собственной воли поворачивается он обратно, желая и не желая видеть, и...

Пальцы скребут по камню, руки рвут со стены воображаемое зеркало, со звоном бьют его об пол, но облегчения это не приносит. Повсюду вокруг – зеркала, целиком покрывающие стены, вольно расставленные по полу, и в каждом – иное, свое отражение.

Вот мир, в котором он счастлив. Вот мир, в котором он мертв. Вот мир, где он никогда не попадал к дивным, никогда не отрекался от брэнного бытия, дабы жить среди бессмертных созданий.

А вот мир, где...

Он разражается криком, отчаянно машет руками. Кулак обагрится кровью: посеребренное стекло – лишь плод воображения, но режет, как настоящее. А за одним зеркалом объявляется другое, и вот он уже мечется по комнате, бьет зеркала, швыряет о камень, и вскоре весь пол усыпан целым ковром обагренных кровью осколков. Однако руки колотят мрамор, еще и еще, кожа рвется в лохмотья, тонкие кости трещат...

Но вот воля к битве иссякла. Безвольно осев, опустившись на корточки в центре комнаты, он глубоко запускает в волосы искалеченные пальцы.

Повсюду вокруг – осколки разума, отражения тысячи иных жизней, разбитых вдребезги.

Многое мог бы узреть он, заглянув в них, однако и к этому у него более нет воли.

– Иных жизней нет, – шепчет он, пытаясь убедить самого себя в этом вопреки всему, что видят глаза. – Что сделано и миновало, того не исправить. Сей закон, сия истина выбита в камне и не померкнет со временем.

Кровоточащие пальцы тянутся к полу, выводят на мраморе странные, непостижимые иероглифы. Он должен записать. Записать всю правду о том, как все было. Иначе те, кто придет за ним, заблудятся в лабиринте зеркал и отражений, вовеки не отличат реальности от лжи.

Да, для них это будет неважно. Но это очень важно для него – для того, кто так долго пытался поведать людям истину об увиденном будущем. Дар провидца предал его, не принес ничего, кроме мук и отчаянья, вот он и ищет убежища в прошлом, вот и пишет хронику прошлого среди осколков сотен «было бы, да не сбылось».

*Дворец Хэмптон-Корт, Ричмонд,
6 января 1588 г.*

В зимнем воздухе веяло острой морозной свежестью, почти не притупленной лучами солнца, но с Темзы – в кои-то веки – дул только легкий бриз, едва колыхавший полы плаща Девена, спешившего через Тайный сад. Щурясь от яркого солнца, шел он среди голых клумб, укрытых слоями соломы. Он был назначен служить королеве за ужином в честь празднования Двенадцатой ночи¹⁵, однако сии обязанности почти не препятствовали участию в общем веселье. Сколько же чаш иппокры¹⁶ он осушил? Бог весть, но, похоже, на целую дюжину больше, чем следовало.

За ужином перебрал вовсе не он один, но сейчас это играло ему на руку: ведь в столь несусветную рань Девен поднялся не без причины. Пока многие из придворных и сама королева в постели, он – а также та, с которой он спешил встретиться – вполне могли улучшить несколько минут для себя, вдали от любопытных взоров.

Она ждала его в Горном саду, стоя с подветренной стороны банкетного домика, тепло одетая в плащ и перчатки с меховой оторочкой. Стоило Девену склониться к ее лицу, она откинула на спину капюшон, и их холодные губы встретились в поцелуе, разом согревшем обоих.

– Мне пришлось подождать, – слегка задыхаясь, проговорила Анна Монтроз, когда поцелуй прекратился.

– Надеюсь, ты не слишком замерзла, – откликнулся Девен, растирая в руках тонкую ладошку. – Боюсь, иппокры было многовато...

– Ну разумеется, во всем виновато вино, – лукаво сказала Анна, но тут же заулыбалась.

– Оно воровски лишает мужчин рассудка и способности вовремя пробудиться.

Мороз покрыл землю и голые ветви деревьев десятками тысяч крохотных алмазов, и эта бриллиантовая россыпь являла собой прекрасную оправу для истинного самоцвета – для Анны Монтроз. Капюшон ее плаща оставался откинут, распущенные волосы отливали под солнцем блеском белого золота, а большие, переменчиво-серые глаза подошли бы самой Королеве Зимы, снискавшей столь шумный успех во время вчерашнего представления театра масок. Не из первых придворных красавиц... но этому Девен значения не придавал.

– Не пройтись ли нам? – сказал он, предлагая ей руку.

Оба степенно двинулись по спящим садам, согреваясь прогулкой. Появляться на людях вместе им было не заказано: Анна – дочь джентльмена, а значит, компания для него вполне подходящая... однако здесь имелись и кое-какие сложности.

– Ты говорила с госпожой? – спросил Девен.

Разговор, грозивший разрушить сверкающий покой утра, он начал не без колебаний. Однако это дело лежало на плечах тяжким бременем с тех самых пор, как он впервые заговорил о нем с Анной – то есть, вот уж который месяц. Зимой дел при дворе заметно прибави-

¹⁵ Английский христианский праздник, отмечаемый в Крещенский вечер – в ночь с 5 на 6 января. Двенадцатая ночь завершает т. н. Двенадцать дней Рождества, от Рождественского Сочельника до Крещенского.

¹⁶ Иппокра – вино с пряностями, служившее укрепляющим снадобьем.

лось, бесконечные рождественские празднества позволяли разве что обмениваться краткими приветствиями при встречах, и теперь он сгорал от нетерпения, ожидая ответа.

Анна вздохнула, выпустив изо рта облачко пара.

– Да, говорила, и она обещала сделать, что сможет. Хотя дело не из легких. Королева не любит браков среди своих придворных.

– Знаю, – поморщился Девен. – Когда жена Скудамора решила просить ее о позволении, королева ударила ее так, что сломала леди Скудамор палец.

– Счастье, что я при ней не служу, – мрачно сказала Анна. – Истории, что я слышала о ее нраве, просто ужасны. Однако я не из тех, на кого может пасть главный удар ее гнева: до благородной девицы на службе у графини Уорик ей дела мало. А вот ты...

«Женитьба – вовсе не скандал», – сказал отец год назад, провожая его на придворную службу. «Подыщи себе женушку», – говорили товарищи по отряду. В конце концов, так уж на свете заведено, чтоб мужчины брали женщин в жены. На свете... но не у королевы. Она остается девственницей, одинокой, а посему предпочитает видеть придворных такими же.

– Она просто завидует, – сказала Анна, будто прочитав его мысли. – В ее жизни нет любви, значит, не должно быть любви и в жизни окружающих – кроме любви к ней самой, разумеется.

Да, в общем и целом это было правдой, но также – не слишком-то справедливо.

– Отчего же, любовь у нее была. Конечно, самым низменным слухам о ней и покойном графе Лестере я не верю, но ведь она определенно питала к нему симпатию. Как, говорят, и к Алансону.

– К французскому герцогу, ее «лягушонку»? То была лишь политика, ничего более.

– Да что ты можешь об этом знать? – развеселившись, спросил Девен. – Когда он прибыл в Англию, тебе было никак не больше десяти лет!

– Думаешь, придворные дамы прекратили об этом сплетничать? Некоторые утверждают, будто ее привязанность была искренней, но моя леди Уорик говорит, что нет. Точнее, говорит, что любую привязанность, какая могла бы возникнуть в ее душе, королева держала в узде политических соображений. В конце концов, он был католиком, – рассудительно пояснила Анна. – Я думаю, все это – от отчаяния. Мария, идя под венец, была старой, а Елизавета, в свои-то сорок с лишком, еще старше того. То был ее последний шанс. И, потеряв его, она изливает досаду на окружающих, которые могут найти свое счастье друг в друге.

Ветер с Темзы усилился, будто выковал себе лезвие поострее. Охваченная дрожью, Анна накрыла голову капюшоном плаща.

– Довольно о королеве, – сказал Девен. – Я – один из ее Благородных пенсионеров, она зовет меня красавцем, делает мне незначительные подарки и время от времени находит меня забавным, но фаворитом ее мне не стать никогда. Вряд ли перспектива моей женитьбы так уж ее оскорбит.

В конце концов, сломанного пальца удостоилась Мария Шелтон, фрейлина Ее величества, а не Джон Скудамор из Благородных пенсионеров!

Неожиданно из недр капюшона Анны зазвучал громкий смех.

– Главное – чтоб ты не наградил меня младенцем и не угодил за это в Тауэр, как граф Оксфорд!

– Прежде мы убежим.

Романтичная глупость... Куда им бежать? Что он, Девен, видел в жизни? Лондон, Кент да еще Нидерланды. До первых двух рука королевы дотянется без труда, в последних и вовсе убежища не найти... однако Анна удостоила его изумленной улыбки, и как тут было не улыбнуться в ответ?

Но разочарование не замедлило вернуться, чтоб мучить его, как всегда. Дальше шли молча, пока Анна, почувствовав его настроение, не спросила:

– Что не дает тебе покоя?

– Проза жизни, – признался Девен. – Растущее понимание, что я и мои притязания обитаем в разных сферах мироздания, и я вряд ли смогу подняться столь высоко.

Обтянутая перчаткой рука поднялась и нырнула в сгиб его локтя.

– Рассказывай.

Вот потому-то он ее и любил. При дворе постоянно нужно следить, что говоришь: слова здесь – звонкая монета и в то же время оружие, с их помощью выуживают благодеяния у союзника, с их помощью наносят удар врагу. Среди придворных дам дело обстоит немногим лучше: быть может, Елизавета и запрещает своим леди серьезное участие в политике, однако они бдительно следят за расположением духа Ее величества и, уловив удобный момент, могут замолвить словечко за – или против – нужного просителя. Даже те, кого королева не станет и слушать, вполне могут донести сплетни до тех, чье слово для нее что-либо значит. Глядь – а репутация ничего не подозревающего человека изрядно испорчена, и всего из-за пары неосторожных слов...

А вот с Анной он надобности в этаких предосторожностях не чувствовал никогда, и за год знакомства она ни разу не предоставила ему повода для опасений. Однажды, еще осенью, Анна сказала, что в его обществе ей легко, что с ним она может держаться попросту, непринужденно, и он ее чувства вполне разделял. Возможно, она не из первых придворных красавиц и не самый богатый улов, но все это он с радостью обменяет на возможность высказывать все, что у него на уме.

– Вот гляжу я на лорда Берли, – заговорил он, начиная рассказ несколько издалека. – Большая часть того, что делает Уолсингем, построена на фундаменте, заложенном Берли. Мало этого: старый барон до сих пор не теряет связей с агентами и информаторами. А когда Берли умрет или – чему не бывать до самого Второго пришествия – подаст в отставку, его баронство, придворную должность и агентуру унаследует сын, Роберт.

– Но ты – не Роберт Сесил, – сказала Анна, когда он сделал паузу.

– Уолсингему мог бы наследовать Сидни – он был женат на дочери Уолсингема еще до того, как мы с тобой появились при дворе, но он мертв. А я не настолько симпатичен Уолсингему, чтобы занять его место. И, по всей вероятности, никогда подобных симпатий не удостоюсь.

Анна ободряюще сжала его предплечье. Гуляя, они держались слишком близко друг к другу – настолько, что ее фижмы на каждом шагу толкали его в бедро – но ни один не пытался отстраниться.

– Но так ли уж это нужно?

– Чтоб заниматься тем же, чем и Уолсингем? Да. Мне самому на подобное предприятие не хватит ни денег, ни связей. Мы с Билом вечно переправляем в обе стороны, по цепочке, письма да просьбы, добиваемся разрешений на заграничные поездки, помилований для заключенных, которые могут пригодиться, подарков и пенсий в награду за услуги... Конечно, они нечасто получают плату, но очень важно, чтоб они знали: да, их могут вознаградить. А я не могу обещать наград: мне попросту не поверят. А если бы и мог... – Губы Девена дрогнули, скривившись от невысказанной досады. – Если бы и мог, я ведь не из советников королевы. Я – сын незначительного джентльмена, отличившийся в Нидерландах настолько, что награжден местом при дворе, услужливый и привлекательный настолько, чтобы порой устаиваться предпочтения – но не более. И большего, очевидно, мне не достичь.

За время сей негромкой монотонной речи, из коей привычка к этаким мыслям досуха выжала всякую страсть, оба успели вернуться назад, к банкетному домику в центре сада. Утро было в самом разгаре. Вскоре королева прекратит почивать, и Девену придется, заступив в почетный караул, сопровождать ее в церковь, на службу в честь Богоявления. Однако в покоех

переполненного по случаю зимних празднеств дворца было душно и тесно, в саду же царила свежесть и простота, и Девену очень не хотелось уходить.

Повернувшись к нему, Анна взяла его за руки. Тонкие пальцы в коричневом сукне мягко сомкнулись на изжелта-бурой коже его перчаток.

– Тебе двадцать семь, – напомнила она. – Те, о ком ты говоришь, старики. Своего положения они достигли со временем. Сколько лет было Уолсингему, когда Елизавета сделала его своим секретарем?

– Сорок один. Но он имел связи при дворе...

– Также заведенные за долгое время.

– Не все, не все. Большая часть – семейные: отцы, сыновья, братья, кузены, родня со стороны жены...

Пальчики Анны на миг сжали его ладонь, и Девен разом умолк.

– Тебя я ради политических выгод не оставляю, – поклялся он.

Эти слова породили на губах Анны улыбку, согревшую холодок серых глаз.

– Подобного я о тебе и не думала.

– Главное препятствие – королева. Нет, – поспешно добавил он, невольно оглядевшись, дабы убедиться, что в саду, кроме них, ни души, – я не хочу сказать о ней ничего дурного. Я ее верный слуга. Но предпочтения ее отданы выходцам из известных ей семей – особенно тем, что уже связаны с ней узами крови. К каковым я не отношусь.

Выпустив его руки, Анна поправила капюшон.

– Так что же ты будешь делать?

Девен пожал плечами.

– Быть полезным Уолсингему, насколько смогу. И надеяться, что он не оставит мою службу без награды.

– Тогда у меня для тебя кое-что есть.

Девен удивленно приподнял брови, но тут же нахмурился.

– Анна, я ведь уже говорил: тебе не подходит и небезопасно разносить сплетни.

– Слухи да сплетни – один из главных механизмов, приводящих в движение придворную жизнь, и тебе это прекрасно известно. Даю слово: я не подслушиваю у замочных скважин.

Ростом Анна удалась: верхушка ее капюшона достигала уровня его глаз, и посему ей не пришлось слишком запрокидывать голову. Вместо этого она, блеснув глазами, склонила голову набок.

– Неужто тебе ничуть не любопытно?

Да, Девену было очень даже любопытно, и Анна это прекрасно знала.

– Так ли, иначе, а способ рассказать мне об этом ты все равно отыщешь.

– Да, я могла поступить и тоньше, но так будет проще всего, – заговорила Анна, скромно сложив перед собой опущенные руки. – На мой взгляд, дело пустяковое, но откуда мне знать: что, если этот пустяк – часть неких больших дел, известных и тебе, и твоему господину. Ты слышал о докторе Ди?

– Об этом астрологе? Да, месяц назад, в Ричмонде, он имел аудиенцию с королевой.

– Предмет ее тебе известен?

Девен покачал головой.

– Он пробыл при дворе всего день-другой, и я с ним не разговаривал.

– Моя леди Уорик говорит, будто дело касается каких-то неурядиц касательно его дома и книг. За время путешествий кто-то разграбил его библиотеку, и теперь он ищет возмещения. Думаю, ты еще увидишь его, или, по крайней мере, услышишь о нем от тех, кто примет в тягбе его сторону.

– Наподобие твоей графини?

– А я-то думала, тебе не хочется, чтоб я разносила сплетни, – лукаво сказала Анна, рассмеявшись при виде деланно-сердитой гримасы на его лице. – По-моему, твой господин знает о его положении – они ведь друзья, не так ли? – но, если хочешь, я могу разузнать побольше.

Вот так, сколь бы ни больно было сие сознавать, зачастую и действовала сеть шпионажа. Считанные единицы из тех, кто поставлял Уолсингему сведения, делали это целенаправленно и организовано, намеренно проникали туда, где им вовсе не место, и переодевались теми, кем не являлись. Большая часть нужных сведений стекалась к главному секретарю от господ, что попросту держали глаза и уши открытыми, а увидев или услышав что-либо интересное, писали ему.

От господ... а порой и от дам.

Казалось, Анна расслышала эти мысли. Да что ж он, прозрачен для нее, как стекло?

– Одним словом, я не предлагаю тебе сведений о происходящем при дворе императора Священной Римской империи или в тайных кабинетах Папы. Я просто сообщу, когда доктор Ди вновь нанесет визит графине.

– Но не могу же я просить даму шпионить, – сказал Девен. – Ведь это бесчестно.

– Слушать, что говорят вокруг, вовсе не шпионаж, да и ты меня ни о чем не просишь. Я делаю это по собственной доброй воле. Считай все это... неосязаемого сорта приданным, полученным вперед.

Вновь взяв Девена за руку, Анна потянула его за собой, а когда оба оказались в тени банкетного домика, коснулась ладонью его щеки.

– Ну, а теперь, – сказала она, еще раз поцеловав его, – я должна возвращаться. Моя госпожа вскоре проснется.

– Как и моя, – пробормотал Девен, кое-как совладав с часто забившимся сердцем. – Так ты расскажешь, что говорит графиня? Прогневает ли королеву мысль о нашей свадьбе?

– Расскажу, – посулила Анна. – Как только удастся.

Воспоминания: 21 декабря 1581 г.

Многие уголки подземного дворца представляли собою длинную череду комнат: одна открывается прямо в другую, и так далее, и так далее. Порой эти скопища комнат окружали замкнутые дворики, украшенные статуями или ночными цветами, порой они соединялись меж собой сводчатыми галереями, увешанными гобеленами да многокрасочными живописными полотнами.

Но были здесь и иные ходы – потаенные. Те, что известны немногим из дивных, а из смертных – почти никому.

Человек, препровождаемый во дворец одним из потайных коридоров, являл собою редчайшее из исключений.

Из прочих смертных, приведенных этим путем, большинство были миловидны, а если нет, нехватка внешней красоты компенсировалась влиятельностью при дворе или в делах торговли. Этот же был не таков. Плащ и башлык у него отняли, выставив на всеобщее обозрение уши, изувеченные ножом палача. Был он отнюдь не стар, однако коварство и подозрительность – а в эту минуту и страх – лишали его лицо всякой привлекательности.

Не отличался он и влиянием. Можно сказать, был он никем, однако знал кое-что о малом народце, и вот теперь изыскания привели его сюда – в мир, о существовании коего он в жизни не подозревал.

Подземный ход завершился дверью, окованной бронзой и выкрашенной в черное. Один из прожатых смертного – горбатое, подобное гоблину существо – поднял костлявый кулак и постучал. Отклика изнутри не последовало, но в следующий же миг дверь распахнулась на щедро смазанных петлях, словно сама по себе.

Палата, в которую вошел смертный, оказалась столь же роскошна, сколь мрачен и гол был оставшийся позади коридор. Не устанный ни камышом, ни коврами мраморный пол украшала затейливая мозаика – странные фигуры, которые ему очень хотелось рассмотреть повнимательней. Вдоль стен мерцали холодные серебристые огоньки. Стоило искоса приглядеться к ним – и смертному почудился в их глубине трепет крылышек. Со стен палаты, также мраморных, через равные промежутки свисали цветистые шелковые гобелены, расшитые самоцветами. Потолок украшала мастерски выполненная астрологическая карта, отображавшая нынешнее расположение звезд высоко наверху.

Но всю эту роскошь затмевала собою занавесь прямо перед ним.

Что это – черный бархат, искусно отделанный серебром? Или серебряная парча, кропотливо расшитая черным шелком? Его эскорт, его стража встала меж ним и занавесом, словно не сомневаясь, что он непременно захочет подойти к этому чуду ближе. Некоторые камни, украшавшие ткань, определенно были алмазами, другие же сверкали куда ярче, живее любого алмаза, какие ему только доводилось видеть. Нижний край занавеси отягощала канва из жемчужин величиною с яйцо колибри. Одна эта занавесь являла взору богатства, равными коим могли бы владеть лишь коронованные владыки Европы – и то далеко не все.

Получив от одного из стражей пинок под колено и рухнув на пол, он ни в малой мере не удивился. Мрамор оказался холоден и тверд, но он терпеливо ждал.

И вот из-за занавеси раздался голос:

– Ты ищешь магии, Эдвард Келли.

– Да.

С первой попытки ответ прозвучал хрипло, почти неслышно.

– Да, – повторил он, облизнув губы. – И я нашел, что искал.

Нашел то, о чем прежде не мог и мечтать!

Из-за занавеси донесся негромкий холодный смех. Голос звучал мелодично, уверенно. Если лицо его обладательницы хотя бы отчасти под стать голосу, должно быть, она – прекраснейшая из дивных леди, когда-либо звавших Англию родиной!

Леди... а может, и королева? Вряд ли такие богатства – обычное дело даже среди эльфов и фей.

А леди, скрывавшаяся за занавесью, заговорила снова:

– Ты нашел лишь жалкие крохи, объедки со стола магии. На свете есть большее, куда большее. Хочешь познать тайны сотворения мира? Они хранятся под переплетами наших книг. Хочешь обращать неблагородные металлы в золото? Для нас это – детская забава.

Золото фей... Спустя недолгое время золото фей обращается в камни и листья, но, покуда оно еще звенит и блестит, даже с ним можно добиться многого. К тому же, хоть это и плохая замена истинной трансформации, философскому камню, подобные знания могут послужить хорошим подспорьем его алхимическим штудиям.

Да, здесь для него накрыт настоящий пир!

– Я стану самым смиренным учеником вашей светлости, – склонив голову, сказал он.

– Не сомневаюсь, – откликнулась леди за занавесью. – Но знай, Эдвард Келли: всяк дар имеет свою цену. А уж дары дивных – особенно.

Эдвард Келли был человеком ученым. Некоторые ученые книжники полагали дивных бесами в ином обличье. Другие помещали их в иерархии творения на полпути меж Раем и Адом – выше людей, но ниже небесных сил, служащих Господу.

Кто бы и как ни объяснял их природу, все соглашались в одном: заключать сделки с их племенем – предприятие крайне опасное. Однако... кто из людей, претендующих на научное любопытство, нашел бы в себе силы повернуть назад, увидев то, что открылось ему?

Пришлось сглотнуть – иначе голос не слушался.

– Какую же цену вы требуете?

– Требую? – Кажется, леди за занавесью оскорблена. – Нет, я не стану требовать от тебя ни бессмертной души, ни первенца. У меня попросту есть к тебе просьба, которую, ты, полагаю, сочтешь вполне приемлемой.

Это звучало куда как подозрительнее откровенного требования. Не сводя глаз с жемчужных подвесок, Келли безмолвно ждал продолжения. Жемчужины слегка не достигали пола, и меж ними, в тени за занавесью, вроде бы – вроде бы! – виднелся край блестящих юбок.

– Есть на свете смертный герметист, книжник, известный как доктор Джон Ди, – сказала леди после продолжительной паузы.

Келли кивнул, но тут же вспомнил о том, что леди его не видит.

– Да, мне он известен.

– Он стремится беседовать с ангелами. И с этой целью нанял на службу человека по имени Барнабас Сол. Моя к тебе просьба – занять место этого Сола. Человек этот – не более чем шарлатан, мошенник, вошедший в доверие к доктору Ди. Мы устроим так, что доверие он утратит, а ты придешь ему на смену как ясновидец, гадатель по хрустальному шару.

Но Келли знал: на этом дело не кончится.

– А дальше? Допустим, я заручился доверием Ди – если, конечно, это удастся...

– Это устроить несложно.

– Что мне надлежит делать после?

– Ничего дурного, – заверила леди за занавесью. – С ангелами ему не побеседовать, какого бы ясновидца он ни нанял себе в помощники. Но в наших интересах – чтоб он полагал, будто ему это удалось. Когда Ди будет просить тебя заглянуть в хрустальный шар, описывай ему свои видения. Кое-что можешь выдумать сам, если того пожелаешь. Но время от времени в шаре будет появляться один из моих слуг и сообщать тебе, что говорить. Взамен мы обучим тебя всем тайным наукам, какие тебе угодны.

Какое ему, Келли, дело, если малый народец введет доктора Ди в заблуждение? Он с этим человеком даже не знаком! И все же просьба внушала тревогу.

– Можешь ли ты обещать, что сказанное мной не повредит ему? Можешь ли дать в этом слово?

Безмолвные дивные существа из его эскорта окаменели.

За занавесью молчали. Сколь же серьезно он оскорбил хозяйку? Но если эта леди намерена слать ему видения, что доведут доктора Ди до измены или еще чего-либо пагубного...

– Я даю тебе слово, – отрывисто, жестко, совсем не тем тоном, что прежде, сказала леди за занавесью, – что не отдам приказаний слать доктору Джону Ди видения, которые причинят ему вред. Если же ты введешь его в заблуждение собственными выдумками, в том нашей вины нет. Устроит ли тебя это, Эдвард Келли?

Да, стоит надеяться, этого будет достаточно, чтоб хоть отчасти связать ей руки. На большем Келли настаивать не решался, однако у него имелась еще одна просьба, никак не связанная с первой.

– Весьма благодарен, – сказал он, вновь склонив голову. – Позволив прийти сюда, вы уже одарили меня превыше всякой щедрости. Но, пусть это с моей стороны и слишком дерзко, у меня есть еще одна просьба. Ваш голос, леди, сама красота – могу ли я иметь счастье увидеть ваше лицо?

Снова молчание, но на сей раз эскорт не счел его слова решительно неподобающими.

– Нет, – ответила леди. – Сегодня ты меня не увидишь. Но вот однажды, в будущем, если твоя служба придется мне по нраву – быть может, ты, Эдвард Келли, и узнаешь, кто я.

Действительно, он хотел взглянуть на ее красоту, однако ее догадка оказалась верна: еще ему было интересно посмотреть, кому служит... да только не тут-то было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.